

СЕЛИНА КАТРИН

АГЕНТ
ПСИ-КЛАССА

18+

Селина Катрин
Агент пси-класса

«Автор»

2024

Катрин С.

Агент пси-класса / С. Катрин — «Автор», 2024

Редж Брайт — невыносимый, эпатажный, язвительный агент с самомнением до небес, и... он моё задание. Я должна любой ценой заставить его помогать нашей организации. Вот только вначале он отказался это делать наотрез, а потом заявил, что согласен, но с возмутительным условием:— Вас, Виктория. Я хочу вас.Однотомник по циклу "Федерация Объединённых Миров"

© Катрин С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

ГЛАВА 1. «С удовольствием» стоит дороже	5
ГЛАВА 2. Матвей и другие «психи»	10
ГЛАВА 3. Филипп и замужество	14
ГЛАВА 4. Профессор Виктория Палладиум	17
ГЛАВА 5. Опиши мужчину твоей мечты	19
ГЛАВА 6. Разведывательное Управление Танорга	22
ГЛАВА 7. Кто ты, Редж Брайт?	25
ГЛАВА 8. День Икс	31
ГЛАВА 9. Мистер-Самоуверенность-И-Непредсказуемость	37
ГЛАВА 10. Шахматы	41
ГЛАВА 11. Первое задание	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Селина Катрин

Агент пси-класса

ГЛАВА 1. «С удовольствием» стоит дороже

Виктория

– Переходите работать на нас. Премии, страховка, поддельные документы. Мы с удовольствием оплатим любые издержки.

– «С удовольствием» я беру суще-е-ественно дороже, – протянул мужчина и облизнулся. Меж губ мелькнул блестящий от влаги шарик серьги-штанги.

Редж был хорош: шикарный разворот массивных плеч, тёмные волосы, уложенные в крупный мужской пучок, твёрдый подбородок с трёхдневной щетиной – квинтэссенция утончённой мужественности и небрежной элегантности. И самое поганое в этой ситуации было то, что он знал, что хорош. И как мужчина, и как агент.

– Виктория, я до сих пор не услышал ничего интересного, – лениво растягивая слова, сказал этот великолепный экземпляр. – Мне не нужны ни четырёхзначный оклад, ни медицинская страховка, ни даже политическое убежище... У вас что-нибудь ещё есть?

Фантазия пасовала, как скульптор, обнаруживший, что вместо куска податливой глины ему привезли увесистый блок железобетона.

Тёмно-красный язык вновь порочно прошёлся по кромке белоснежных зубов, рождая совершенно развратные ассоциации. Не мужчина, а детонатор секса. Даже для монашки. Меня слегка заклинило на мысли, зачем мужчина может проколоть язык.

Ну вот, приплыли.

– Дайте-ка угадаю, – чётко очерченные губы изогнулись не то в кривой усмешке, не то в соблазнительной ухмылке, – а больше ничего и нет? Вам поручено меня заинтересовать... Я бы сказал «завербовать», но, боюсь, вербовка – не ваше, Виктория. Увы, услуги кабинетного психолога мне тоже не нужны.

Он сделал выразительную паузу, давая возразить, но я промолчала. Редж тем временем окинул наглым взглядом мою фигуру и добавил:

– Но я не отказался бы от более тесного контакта с вами, Виктория. Вне контекста организаций, на которые мы работаем.

В переводе на человеческий: «Оказывать какие-либо услуги не собираюсь, но тебя, крошка, с радостью поимею». Какое щедрое предложение...

– Нет, спасибо.

– Нет?

Мистер-Я-Самый-Сексуальный-И-Мне-Не-Отказывают чуть удивлённо приподнял бровь. Но я-то понимаю, чем рискую. Это не просто самоуверенный красавец, это в первую очередь профессиональный агент, опасный, как ионизирующее излучение. У таких не бывает «вне контекста работы», а я не оперативник, я с такими взаимодействовать не умею. Не та весовая категория.

– Ну нет так нет.

Мужчина пожал плечами, и я даже намёка на разочарование в его мимике не заметила.

«Это провал, Вика. Тут не то что завербовать, даже психологического портрета толком не составить! Вселенная... Это полный провал, и шеф этого не простит. Хуже быть не может».

Стоило так подумать, как взгляд напоролся на фигуру бывшего парня в дверях ресторана: он, прищурившись, внимательно рассматривал посетителей в зале. От дурного предчувствия

захотелось застонать и провалиться кротовой норой в другую галактику. Как он тут вообще оказался?! Что же за день-то такой ужасный?!

Филипп внезапно увидел меня и размашистым шагом двинулся в нашу сторону. Бескрайний космос, останови его! Пускай там постоит! Метеорит на его голову!

Метров за десять Фил заорал:

– Как это называется, Вика?! Думаешь, я такой же лох, как и все твои предыдущие трахальщики?!

При взгляде на внезапного гостя глаза Реджа сверкнули азартом, он даже откинулся на спинку кресла, словно бы ему только что пообещали показать интересное представление. Посетители за соседними столиками начали недоумённо оглядываться. Я поморщилась от досады. Вот поэтому я стараюсь не смешивать личную жизнь с работой. Любые контакты, пускай даже с почтальоном в подъезде, – это информация о человеке. А чем больше информации, тем чётче психологический портрет, а за ним и подбор правильных инструментов манипулирования не за горами.

– Филипп, давай поговорим дома.

– Дома?! – прогромыхал бывший. – Ты о каком доме сейчас говоришь? Из которого ты уже собрала всё шмотьё и смоталась? Думаешь, меня так легко кинуть?!

Он встал впритык к столу, но продолжал орать, словно между нами всё ещё оставался добрый десяток метров. Внезапно меня озарило: он специально это делает! Специально выследил, куда я направилась, и кричит так громко, чтобы я почувствовала себя неудобно в людном месте... Так-так-так... Он даже опёрся одним кулаком на столешницу, полностью игнорируя присутствие незнакомого мужчины за моим столиком, чтобы принять нависающе-угрожающую позу. Захотел взять меня испугом? Стыдом? Это что-то новенькое.

Я отодвинула кресло и поднялась, чтобы оказаться глазами на одном уровне с Филиппом. Лишь после этого сказала:

– Да, к этому давно всё шло. Я честно написала тебе, что нам пора расстаться, взяла вещи и съехала с твоей квартиры. В чём проблема?

Филипп аж покраснел от возмущения.

– В чем проблема? В чём пробле-е-ема?!

Он понял, что тактика по запугиванию с наскока не удалась, и огляделся. Наконец-то заметил Реджа. Тот сидел на своём месте с каменным лицом, но по крошечным мимическим сокращениям мышц я видела: ещё чуть-чуть – и заржёт. Нет бы ушёл, раз ни до чего не договорились! Что я ему, клоун для развлечения, что ли?

– Ты нашла себе папика покруче и считаешь, что меня можно бросить просто так? По записке на холодильнике?!

Ой не так всё было, ой не та-а-ак...

Филипп прекрасно знал, что я могу себя содержать, а перед «запиской на холодильнике» у нас состоялся разговор. Это вообще-то он настоял, чтобы я переехала в его квартиру. К счастью, я продолжала платить за аренду собственного жилья, чтобы иметь развязанные руки на всякий случай... Случай наступил, когда Филипп начал активно продавливать в отношениях.

– Фил, на этапе знакомства я сразу оговорила, что у нас лишь партнёрство. Но ты захотел большего. Я этого дать не могу, поэтому вышла из отношений, о чём тебе и сообщила. Всё честно.

На «всё честно» шея, лоб и щёки бывшего налились свекольной краской. Вообще-то Филипп молодой и занимается спортом, но с этим цветом лица смотрится так, словно вот-вот инфаркт схватит.

– И это ты называешь честным?! – Он всплеснул руками. – Да я на тебя два года потратил! Да я...

– Ты на меня ничего не тратил. Мы встречались по обоюдному согласию, – отрезала я.

Бессмысленный спор угнетал и удивлял. Зачем он это затеял-то?

– Как это не тратил?! – возмутился Филипп и зарычал: – Двадцать восемь походов в рестораны, девять букетов цветов, два набора духов, золотой браслет и серьги с фианитами! – победно изрёк он. – Ты переехала ко мне жить, а значит, априори дала согласие стать моей женой. Я вкладывался в тебя как в будущую супругу, но раз ничего не окупилось, будь добра отдать мои вложения! Я потратил на тебя за это время целое состояние. С тебя четыре тысячи триста шестнадцать кредитов!

Люди за соседними столиками зашушукались и зашептались, указывая на нас взглядами. Такую тираду не услышал бы разве что глухой. На лице бывшего на миг промелькнула победная ухмылка.

Какой же ты, оказывается, мелочный мешок с навозом...

Очевидно, Филипп стремился выставить счёт прилюдно, чтобы во избежание дальнейшего раскручивания скандала я побыстрее согласилась с долгом и тем самым он получил бы гарантию возврата кредитов при свидетелях. Ко всему, я же с мужчиной в ресторане, а значит, должна захотеть замять ссору на корню...

Я знала, что бывший любит считать недополученную прибыль, а также жаловаться на жадных клиентов по бизнесу, но никогда не подозревала, что эта черта характера коснётся меня лично.

– Вот отдашь долг, и будем квиты, – добавил бывший уже более снисходительно, видя, что я не спорю. – Так когда сможешь перевести на мой счёт?

Накопления у меня имелись, и даже больше, чем предполагал бывший. Можно было бы плюнуть на всё и отдать, но... мистер Брайт уже разозлил отказом, да и шеф по головке за провал задания не погладит. Настроение было отвратительным.

– А предыдущие девушки тоже возвращали деньги за подарки? – ответила я вопросом на вопрос.

Фил удивлённо моргнул.

– Разумеется. Я все чеки и выписки по банковскому счёту сохраняю.

– Значит, ты всё-всё посчитал?

– Да. – Мужчина кивнул.

Встречный вопрос он явно принял за мой жгучий стыд и стремление побыстрее решить проблему. Два года вместе, Фил, а ты меня так и не узнал! Да, я часто с тобой соглашалась, но лишь потому, что считала темы несущественными и не хотела ссориться.

– Ты должна мне четыре тысячи триста шестнадцать кредитов. В противном случае я составлю иск о взыскании необоснованного обогащения.

Последнее он сказал, однозначно рассчитывая испугать и додавить дешёвой угрозой. Краем глаза я заметила, как Редж закинул руки за голову, от чего вздулись его объёмные бицепсы. Легендарный агент определённо не спешил спасать даму в беде, а вёл себя так, словно пришёл в кино на весёлую комедию. Странные у него вкусы. Неужели он находит бытовые разборки забавными? Ладно, с ним позднее разберусь.

– Вика, так ты согласна? – нетерпеливо переспросил Филипп, переступая с ноги на ногу. – Если да, назови, пожалуйста, срок, в который погасишь задолженность.

М-да, когда мы познакомились, уже тогда подумалось, что имя «Филипп» отдаёт чем-то лошадиным. Что ж, в этот раз бывший определённо просчитался...

– Да, я согласна на то, что должна тебе четыре тысячи шестнадцать кредитов... – протянула я и, видя, как довольно растянул губы Фил, продолжила: – Но раз уж ты решил перевести наши отношения в товарно-денежные, то давай посчитаем, сколько должен мне *ты*.

– Что-о-о?

У него даже глаза округлись, как у пучеглазой рыбы. Игнорируя вопрос, я продолжила:

– Я готовила ужины по будням к твоему приходу. За два года – минимум шестьсот ужинов, и, если взять хотя бы по два кредита за готовку – уже тысяча двести кредитов.

Фил поперхнулся. Явно не ожидал, что у его сверхвыгодного «банка» могут оказаться зубки. Ничего, я ещё и процентную ставку тебе накручу.

– Допустим, – прошипел он.

– Я убирала твою квартиру.

– Это делали роботы!

– А я их запускала и следила, чтобы ничего не разбили. Клининговые компании тоже используют технику, и при этом одна уборка жилья стоит не менее десяти кредитов. Уборка в неделю – итого ещё тысяча кредитов в общий счёт.

– Ла-а-адно. – Фил заметно побагровел. Денежные вопросы он всегда воспринимал близко к сердцу. – Но за тобой всё равно остаётся тысяча восемьсот кредитов!

Между прочим, очень большая сумма. Если бы у меня была лишь одна официальная работа – профессор психологии в университете, – то такие деньги откладывать лет пять, не меньше. Хорошо, что Фил не в курсе про Разведывательное Управление Танорга.

Я глубоко вдохнула и выдохнула. А теперь второй акт межгалактического балета:

– Итого ты, Филипп, должен мне около восьми тысяч кредитов.

– Что-о-о?! – взревел бывший.

– Ну как же? – Я пожала плечами. – За два года у нас было порядка сотни половых актов, а на Танорге проститутки дорого стоят. Сто кредитов – это минимальная ставка, заметь, я считаю со скидкой. Десять тысяч – оценка по самой нижней границе. Я вкладывала в тебя время и заботу, так что будь добр отдать мне мои вложения. – Я широко улыбнулась и последние слова произнесла так громко, как только позволял голос, полностью копируя интонации Филадельфии.

Бывший стоял и глупо хлопал ресницами. Определённо, начиная эту некрасивую свару, он рассчитывал на мой стыд и просто хотел выбить деньги... Меньше всего на свете Фил ожидал, что я опущусь до того уровня, что прилюдно приравняю себя к ночной бабочке и оценю наши отношения в горизонтальной плоскости. Я не получала никакого удовольствия от морального унижения Филадельфии, но понимала, что если ничего не скажу, он и дальше будет лупоглазить и мешать деловой встрече, а потому, чисто чтобы ускорить его уход, добавила:

– Так когда мне ждать от тебя перевода на банковский счёт?

Филипп беззвучно открыл рот и закрыл, сжал кулаки и разжал... Ему нечего было сказать. Совершенно. Внезапно он начал оглядываться, а когда понял, что на него смотрят, его пальцы мелко задрожали. Глупые люди чаще всего меряют по себе и в качестве устрашающих моментов используют на других то, чего сами боятся больше всего. Стыд, позор, всеобщее порицание. Фил сглотнул, нашарил взглядом Реджа и, явно принимая его за нового ухажёра, ткнул в мою сторону пальцем:

– Вот! Все они меркантильные твари! Остерегайся, и счёт за ужин рекомендую сразу разделить пополам!

С этими словами Фил круто развернулся и стремительно покинул зал ресторана. С уходом бывшего гостя ресторана издали разочарованный гул и вновь уткнулись в тарелки.

«Вот это я засветилась сегодня... Вероятно, ещё в новостную ленту попаду благодаря Филу. Чтоб его!»

Я обессиленно опустила на кресло.

– Прошу прощения за неприглядную сцену с моим бывшим, мистер Брайт. Я уже поняла, что вы не хотите заключать сделку с РУТ¹, давайте доедим и...

– Я передумал, – внезапно прервал мужчину напротив.

¹ РУТ – Разведывательное Управление Танорга.

Я вскинула изумлённый взгляд на агента. Как это «передумал»? Ещё десять минут назад ему предложение было неинтересно!

– Я передумал, – спокойно повторил Редж, потягиваясь с грацией тигра. – Я возьму задание от вашего руководства, но помимо того, что вы перечислили, Виктория, я хочу ещё кое-что.

– Что же?

Я всё ещё смотрела на красивое, словно сделанное из мрамора лицо мужчины, на котором не отражалось ни единой эмоции. Профессионал своего дела в совершенстве владел мимикой.

– Вас, Виктория. Я хочу вас.

ГЛАВА 2. Матвей и другие «психи»

Неделей ранее. Разведывательное Управление Танорга

– Один из них слил информацию Пиксу, Вик! Но я не могу понять кто! Я уже до дыр пересмотрел все видео! Понимаешь? До дыр! Если я не вычислю, кто из агентов пошёл на предательство, то тугу будет всем троим!

Друг, заламывая пальцы, сделал ещё круг по небольшому рабочему кабинету, выделенному мне в Разведывательном Управлении Танорга как внештатному гражданскому консультанту. Я вздохнула, потёрла уставшие глаза и снова посмотрела на экран монитора, где раз за разом со всевозможных камер освещалось открытие картинной галереи жены одного из сенаторов планеты. Многолетний опыт подсказывал, что именно такие шумные светские мероприятия всегда служили ширмой для перевербовки лучших учёных, утечки информации разной категории секретности и даже открытого подкупа изобретателей.

Танорг во все времена славился высоким уровнем жизни своих граждан, социальными пакетами, качественной медициной и едой... Но ничто во Вселенной не берётся из ниоткуда, а особенно деньги. Чтобы обеспечить население целой планеты хорошими условиями, надо иметь развитую экономику. Экономика Танорга опирается в экспорт технологий и инноваций, в современное программное обеспечение... в мозги, одним словом. В тот момент, когда происходит утечка мозгов или последних достижений, – страдает вся планета.

– Что было украдено на этот раз? – уточнила я, высматривая на экране троих подозреваемых.

– Схема станка для производства процессоров... – Матвей поморщился. – Раньше такие производил только Танорг, но после этой выставки, – кивок в сторону монитора, – Пикс объявил о *якобы* собственном изобретении ультратонких и ультрабыстрых процессоров. И удивительное дело – все! – характеристики совпадают с нашими! Вик, это сотни тысяч кредитов, понимаешь? У правительства дыра в бюджете, пенсии платить нечем... катастрофа! Они рассчитывали ещё минимум лет пять быть лидерами на рынке и поставлять эксклюзив.

Я кивнула.

– И самое обидное, что сдал кто-то из наших.

– А с психами они уже общались?

«Психами» на сленге Разведывательного Управления Танорга назывались профессиональные психологи, работающие с агентами после заданий. Они же – мозгоправы.

– Они разводят руками, каждый ручается за своего агента.

– Так если они даже после общения с подопечными не могут понять, кто сдал секрет, то как я смогу это сделать лишь по видео?! – изумилась я.

Время было уже позднее, а тут Матвей со своей просьбой помочь... Филипп уже, наверное, дома, у нас романтический ужин на вечер запланирован.

– Понимаешь... – Друг отогнул клетчатый ворот свободной рубахи, с силой растёр шею до красноты и понизил голос до шёпота: – Руководство думает, что кто-то из наших намеренно прикрывает агента. Мне даже посоветоваться не с кем!

Иными словами, любой «псих» может быть причастен, а я гражданская, даже в основной состав РУТ не вхожу. В рабочее время я уважаемый профессор психологии в университете и лишь несколько часов в неделю – внештатный консультант разведки Танорга. Была бы моя воля, вообще бы здесь не работала, но как уж сложилось.

Друг детства состроил умильно-просящую мордашку, смешно надув пухлые губы, а на подбородке появилась милая ямочка. Вкупе с короткими светлыми кудряшками он напоминал очень симпатичного пупса. Я вздохнула, понимая, что даже если бы сейчас было три часа ночи,

то всё равно не смогла бы отказать Матвею – и не из-за его внешности, а из-за того, что он был моим единственным настоящим другом.

– Ладно, давай показывай. Кого подозреваешь?

Следующий час я рассматривала на записях умопомрачительную блондинку в вечернем винном платье с разрезом на бедре и глубоким вырезом на спине. Среди людей пиксианку выдавало наличие шести рук и чуть-чуть иная, похожая на морскую раковину форма ушей, в остальном она выглядела и вела себя совсем как обычная человеческая девушка: смеялась, пила шампанское, знакомилась с участниками мероприятия, обсуждала картины и даже лично поздоровалась с хозяйкой картинной галереи. Были на видео и другие пиксианки, но Матвей сказал, что именно Мэри Элл является исполнительным директором компании, которая внезапно изобрела печать ультрасовременных процессоров.

За весь вечер к красотке Мэри из агентов РУТ подошли трое. Все трое общались с девушкой, первый даже написал что-то на салфетке, второй два раза приносил бокал с напитком и поднос с канапешками, третий вёл себя предельно сдержанно, но пригласил на закрывающий мероприятие танец.

– Вот, вот! Смотри, он флиртует! – воскликнул Матвей, останавливая видео на нужном моменте и интенсивно стуча по экрану костяшкой пальца. – Игра бровями, повторение жестикуляции за объектом и широкая улыбка.

– Флиртует, – согласилась я, разглядывая кадр. – Но это очень явные невербальные знаки внимания. Я бы сказала, что этот мужчина увидел Мэри впервые и старается произвести на неё максимально благоприятное впечатление.

– А салфетка?! – Друг ткнул в экран. – Вик, он что-то передал ей! Разве это не доказательство?

– Доказательство, но как раз того, что они ранее не общались. Я не разбираюсь в технике, Матвей, но если весь секрет технологии можно зарисовать на салфетке, то это точно никакой не секрет. Скорее всего, парень написал свой номер коммуникатора. Нет, определённо это не этот агент. Давай следующего посмотрим.

Второй, тоже брюнет, как и большинство коренных таноржцев, вёл себя с Мэри чуть более раскованно.

– Следуя твоей теории, Вик, – протянул Матвей, нажимая паузу на видео, – эти двое уже были знакомы до выставки.

Я задумчиво кивнула. Походило на то, что действительно это не первая их встреча.

– ... А значит, – продолжил друг, – у него все шансы оказаться той самой крысой, которая толкнула наш секрет.

На этот раз я отрицательно покачала головой.

– Не согласна. Знакомства мало, чтобы решиться на предательство такого масштаба. Отношения с пиксианкой должны быть хоть сколько-то доверительными. Посмотри внимательно, он ей протянул палочку с канапе.

– И она взяла! В ту же секунду!

– Она в ту же секунду тарелку подставила, а не взяла её пальцами. То есть на инстинктивном уровне Мэри даже касаться этого мужчины не захотела. Нет-нет, Матвей, ты ошибаешься. Это точно не он. Посмотри на разворот носков туфель... Она неосознанно развернулась лицом к выходу из помещения. Эта девушка мечтает слинять от прилипшего зануды – вот её настоящие эмоции.

Матвей наклонился, задев меня рукавом клетчатой рубашки, несколько раз нажал на клавиши остановки и проигрывания видео и сердито выдохнул.

– Чёрт. Ты права, Вик. Но тогда я не знаю... Видео с третьим агентом сухое, я там вообще ничего выудить не смог.

С этими словами он переключил запись на последнюю. Высокий статный мужчина подошёл к пиксианке и поздоровался. Взаимный обмен улыбками. Они явно представились, затем обсудили ближайшую картину с изображением абстрактного моря и белеющего парусника. Во время разговора мимика у обоих выглядела обычной, никакого отзеркаливания или повторения жестов, но и закрыться друг от друга не пытались: девушка отложила сумочку на высокий столик, мужчина убрал одну руку в карман, в другой держал бокал с шампанским. Но ведь хорошие агенты могут осознанно контролировать тело, верно?

Внезапно заиграла медленная музыка, и мужчина галантно пригласил Мэри на танец. Я смотрела каждую секунду, чувствуя всеми фибрами души, что что-то упускаю.

Предложенная рука. Согласный кивок. Выход в зал. Мужская рука на обнажённой спине. Оп! Вот оно!

Я резко остановила видео и победно воскликнула:

– Они любовники! Секрет слил номер «три»!

– Нет, – вяло отозвался Матвей, взглянув на кадр лишь мельком. – Да, рука на обнажённой коже, всё верно, но посмотри внимательно: куда ему было класть свою лапень? Не на попу же. Там вырез такой ого-го, до самых ягодич... Это точно ничего не значит.

– Да нет же! – Я сердито фыркнула, сделала пятикратное приближение и повторила отрывок в пару секунд. Мужская рука легла идеально на талию, не очень высоко, но и не очень низко. На несколько мгновений большой палец переместился с одного позвонка на другой, но при этом четыре остальных остались на месте. – Вот. Точно тебе говорю! Любовники.

– Почему? – Друг с сомнением пересмотрел две секунды видео, так ничего и не поняв.

– Матвей, он не удержался и *погладил* её по спине большим пальцем. Это не дрожание руки, а собственнический жест, ласка, которая должна была оказаться незамеченной для случайного свидетеля, впрочем, она таковой и оказалась. Я готова спорить на всё что угодно, что эти двое любовники, а значит, он и продал ей секреты родины... Хотя скорее всего – добровольно передал.

Матвей вновь пересмотрел кадры и потрясённо выдохнул:

– Ви-и-ика, точно! Да ты гений!

Я устало потёрла сухие глаза.

– Уф, ладно, я пойду домой, Филипп наверняка заждался. Топай к шефу и доложи, что мы нашли, только... как обычно, помнишь?

– Да помню-помню! – Друг на радостях широко улыбнулся, взлохматил короткую шевелюру и хлопнул в ладоши. – Твоё имя не упоминать, все лавры сгрести себе. Ты у нас птица свобододолюбивая, студентов любишь больше, чем РУТ, и никакой четырёхзначный оклад твоё решение не изменит. На полную ставку переходить к нам не хочешь.

– При чём тут любовь? – Я поморщилась. – Я просто не хочу влезать в это всё по самые уши. Матвей, я – не ты... я не хочу работать с агентами, быть подозреваемой в преступлениях против планеты, да и вообще, меня полностью устраивает должность профессора психологии в университете. Вот скажи, что будет с тем третьим? – Я указала подбородком на всё ещё открытое видео. Имен агентов не спрашивала принципиально.

– Безопасники обнулят все пароли и доступ к данным, отловят агента и проверят. Благодаря тебе теперь ясно, что и где искать.

Матвей внезапно замялся и отвёл взгляд.

– И? Если любовная связь с Мэри Элл будет подтверждена? – Я подтолкнула друга к развёрнутому ответу.

Секунду или две собеседник молчал. Мягкие, почти ангельские черты лица друга внезапно заострились, стали жёстче. На скулах проступили желваки.

– У парня будет выбор между пожизненным заключением на астероиде и смертной казнью. Но ты же понимаешь, Вик, измену родине не прощают.

Я сглотнула.

– Вот поэтому меня полностью устраивает текущее место.

ГЛАВА 3. Филипп и замужество

Тем же вечером

Я сбросила туфли в прихожей и рванула на кухню, чтобы наскоро приготовить ужин. Пока мчалась до дома, думала, как объяснить Филиппу задержку на второй работе, о которой он понятия не имел, но, к счастью, прямо на пороге квартиры пришло сообщение: «Прости, дорогая, клиенты задерживают. Я опоздаю».

Я открыла холодильник, проводя трёхсекундную экспертизу имеющихся продуктов. Ах, нестабильные туннели! Надо было из ресторана еду заказать по дороге домой, но за рулём флаера это было делать неудобно...

Взгляд упал на упаковку креветок, и я мысленно возликовала. Паста с морепродуктами! Отлично! И к ней белое шардоне...

Голос мужчины, с которым я встречалась уже два года, застал меня за сливом кипятка из-под спагетти через дуршлаг.

– Да-да, – донёлся раздражённый голос Филиппа из прихожей сразу после хлопка входной двери. – И счёт выкати как за полное обслуживание... Двукратное!

Я торопливо переложила макароны в тарелки, смешала с креветками, и в этот момент на кухню зашёл Фил. Как всегда красивый, в голубой офисной рубашке, широкоплечий для коренного таноржца, с безупречной гелевой укладкой коротких волос. Он щёлкнул по кнопке коммуникатора, выключая связь с секретаршей.

– Нет, ну ты представляешь, Викусь, какие клиенты наглые пошли? Вначале пригнали флаер и заказали полный апгрейд, ребята в мастерской заменили всё, включая подвеску. А парочка вернулась через неделю и потребовала вернуть всё как было! Видите ли, с новой амортизацией их ребёнок теперь укачивает на заднем сиденье! И, главное, платить отказываются, мотивируя тем, что новые детали все у нас в сервисе остались! Как же я рад тебя видеть, дорогая! – Он обнял меня со спины и поцеловал в висок. – Хорошо хоть ты мозг не выносишь.

Фил такой Фил... Последнюю фразу он искренне считал комплиментом.

Мой молодой человек держал автомастерскую для воздушного транспорта и каждую неделю приходил с историями о жадных клиентах, которые хотят «всё и на халяву». Конечно, как психолог я могла бы ему посоветовать больше разговаривать с заказчиками и выяснять их желания «на берегу», давать тест-драйв машин с более мягкими подвесками... но как всё тот же психолог я осознавала, что Филипп не тот мужчина, который будет слушать советы женщины, ведь бизнес, флаеры и двигатели – всё это очень «мужское». Да и не за советами он обращается.

– Очень тебе сочувствую, – ответила на длинную тираду. – Ты много работаешь и большой молодец.

Фил расцвёл, подхватил тарелки с едой и лишь в последний момент спохватился:

– Да, а как, кстати, прошёл твой день?

– Отлично.

Я разлила вино по бокалам. Это мог бы быть по-настоящему романтический ужин, но в голове, к сожалению, всё ещё крутилось задание Матвея... А ведь своим сегодняшним наблюдением я сломала карьеру и, скорее всего, жизнь агенту-оперативнику. С другой стороны, не я толкала его на разглашение секретов, верно? И даже если он ничего не продавал, а Мэри Элл украла его компьютер, он ведь прекрасно осознавал, на что шёл, когда связывался с пиксианкой.

Пикс постоянно пытается перехватить наши разработки, а иногда и в открытую предлагает выдающимся учёным Танорга большие оклады. Вербуют не только тайных агентов, но и гражданских, которые, на взгляд правительства, могут совершить прорыв в науке и принести

планете прибыль. Мозги, а не металлы – вот истинная валюта любого развитого Мира Федерации.

Филипп что-то рассказывал про работу, я, к своему стыду, совсем не слушала – лишь старалась кивать в такт. Мужчина снял пиджак, и под тонким голубым батистом отчётливо проступил рельеф бицепсов – результат усиленного посещения спортзала и личная гордость Фила. Мысли из Разведывательного Управления Танорга сразу скакнули в раздел: «А какое бельё я сегодня надела?»

Внезапно мужчина отложил вилку и взял меня за руку.

– Викусь...

– А?

Я ещё не доела свою порцию пасты, но так как Филипп определённо хотел повышенного внимания, пришлось отодвинуть еду с прибором в сторону.

– У нас сегодня годовщина. Два года, как мы вместе.

Согласно кивнула. Действительно, быстро время пролетело.

– Ты такая потрясающая и понимающая, не то что все эти современные девушки... – продолжил Фил.

Я напряглась, остро почувствовав, что сейчас будет давление. Возможно, Фил и не отдавал себе отчёт полностью, что делает, но с годами работы на РУТ у меня выработалась аллергия на любого рода манипуляции – профдеформация.

– ...Ты переехала ко мне, у нас отличный быт и восхитительный секс. Мы идеально друг другу подходим. Я хотел бы, чтобы ты вышла за меня замуж, – закончил Филипп и поставил на стол синюю бархатную коробочку.

Я даже открывать её не стала – тяжело вздохнула и вытянула ладонь из мужского захвата. В висках резко и болезненно запульсировало.

– Фил, зачем тебе это?

– Как зачем? – изумился любовник. – Каждый настоящий мужчина должен быть непременно женат! Я считаю, что лучше тебя никого не найду, ну а ты – лучше меня! Викусь, ну посмотри хотя бы кольцо, я же старался, выбирал...

– Фил, нет. – Я даже отодвинулась от коробочки подальше, чтобы не дай Вселенная её не коснуться. – Мы всё обговаривали много-много раз. У нас взаимовыгодное партнёрство, которое устраивает обоих. Изначально я предлагала остановиться на свиданиях и сексе, всё.

– Но ты же ведь ко мне переехала!

«Потому что ты настаивал, а до обеих работ мне отсюда действительно ближе...» – подумала про себя, но озвучивать не стала.

– Да. Переехала.

Филипп понял, что этот аргумент не подходит, и попытался зайти с другой стороны:

– Викусь, да пойми же ты! Мы так здорово друг другу подходим! С самого начала... Когда мы начали встречаться, ты мне так понравилась, что я, например, совсем не испугался твоих шрамов на боках!

Ещё один восхитительный комплимент в стиле Фила.

Только через шесть месяцев отношений он всё-таки потребовал их свести лазерной шлифовкой с фразой: «Если ты меня любишь, то избавишься от этого уродства». На тот открытый шантаж я поддалась сознательно, потому что понимала, что не дело всю жизнь носить шрамы на теле, пускай это и единственное, что осталось от родителей. В пять лет я попала в автокатастрофу, меня зажало между сиденьями, это спасло жизнь, но на рёбрах остались глубокие следы аварии. Лица родителей давно забылись, а потому долгое время казалось, что пока на теле есть хотя бы шрамы, я храню память о них.

– Замечательно, – хмуро сказала, складывая руки на груди. – Правильно ли я понимаю, что должна хотеть выйти за тебя замуж из-за того, что ты «не испугался»?

– Чёрные дыры, Вика, я не то имел в виду! Что же ты всё переиначиваешь?! – Красивое лицо Филиппа покраснело, он со злостью швырнул салфетку на стол.

– Так ты скажи нормально!

– Я хотел сказать, что ты сразу показалась особенной... Вик, посмотри на это с другой стороны: у тебя нет никого из родственников, ты в интернате выросла, а я тебе предлагаю опору, поддержку и любовь на всю жизнь! Ты же ведёшь себя так, будто я тебя за решётку засадить пытаюсь! Бескрайний космос, да я купил тебе кольцо с самым чистым бриллиантом, какой нашёл в ювелирном!

В оправдание он всё-таки распахнул коробочку с помолвочным кольцом. Надо признать, украшение действительно выглядело солидно и дорого. Чувствовалось, что молодой человек готовился к этому вечеру. Я мысленно выругалась: а ведь у нас могла бы быть такая восхитительная ночь...

Словно угадав, о чём я думаю, Фил приблизился, выразительно поиграл бровями и чувственно провёл указательным пальцем по внутренней стороне предплечья, от сгиба локтя до запястья. Сотни тысяч мурашек удовольствия выступили на коже. Больше, чем массаж рук, я любила, разве что когда Филипп разминал плечи.

– Я же знаю все твои эрогенные зоны, малыш. – Фил снова сбавил тон. Его дыхание пощекотало шею. – Вик, согласишься, мы идеально друг другу подходим, и в постели у нас всё просто огонь.

И я бы согласилась...

Наверное...

Если бы он не попытался второй рукой надеть это злосчастное кольцо на мой безымянный палец. Ещё одна наглая и бессовестная попытка манипулировать. Я шумно выдохнула:

– Прости, Филипп, но я много раз говорила, что брак не рассматриваю.

– Неевклидово пространство, Виктория! Да что с тобой не так?! Все нормальные женщины мечтают выйти замуж! В отличие от большинства таноржцев, я работаю и, заметь, зарабатываю хорошие деньги! Чем я тебе плох?!

«Ничем».

Хороший работающий парень, который следит за своей внешностью и не ленится в постели. Делает комплименты. Не всегда удачные, но точно искренние. Дарит подарки.

Я не знала, что ответить на это. Дело было не в Филиппе, дело было действительно во мне. Я вообще не хотела отношений, так много раз наблюдала, как близкие люди и родственники становятся рычагами давления. По долгу службы в РУТ я знала и не такие истории. Однажды довелось стать свидетельницей, как группа террористов захватила корабль с младшим братом высокопоставленного чиновника. К счастью, не я тогда вела переговоры с преступниками, к несчастью – они завершились печально. Именно тогда, когда через экран компьютера смотрела на облизывающие корпус звездолёта языки пламени, я дала себе слово: никакой семьи. Никаких действительно близких отношений и уж точно никаких детей.

Да и зачем нужен официальный муж, если можно просто встречаться и жить с понравившимся человеком без всяких отметок в планетарных базах данных? Зачем намеренно делать себя уязвимой? Подставлять кого-то дорогого под прицел плохих людей? Ограничивать собственную свободу?

Так и не дождавшись вразумительного ответа, Фил раздражённо махнул рукой, щёлкнул бархатной коробочкой и отправился в спальню.

ГЛАВА 4. Профессор Виктория Палладиум

Шестью днями ранее. Таноржский Университет

– Одно из самых сложных манипулирование – втереться в доверие человека и выстроить искусственные дружеские отношения. Повторюсь, это очень сложно, но если получается, то объект искренне будет помогать вам, отвечать на вопросы и даже может выдать коммерческую тайну. Кто расскажет, какие существуют жесты, демонстрирующие дружелюбное отношение к собеседнику?

В воздух взмыло множество рук, но я махнула ладонью, делая знак, что лекция закончилась и теперь можно говорить свободно.

– Вскидывание бровей, улыбка, понижение голоса до шёпота, наклоны головы к плечу, – моментально отозвался студент Кунцев.

Одобрительно кивнула.

– Всё верно. Последним часто пользуются собаки, когда попрошайничают. Ещё?

– Зрительный контакт. Чем дольше, тем лучше.

– Необязательно! – тут же вмешался студент Ярцев. – Если люди разных психотипов, то один может пытаться проявить дружелюбие, а другой воспримет долгий взгляд как агрессию.

– Тогда и шёпот не каждому понравится, – фыркнул Кунцев, поправляя на переносице очки с дужкой, склеенной дешёвым скотчем. – Кто-то вообще может подумать, что над ним издеваются.

Я улыбнулась.

– Совершенно верно. Мой вопрос изначально таил в себе подвох. Полная картина жестов, с помощью которых можно понравиться человеку, незначительно отличается и зависит от... – Я хотела сказать «психологического портрета личности», но не успела. Меня перебил восторженный вопль девушек с задних рядов:

– Профессор Палладиум! Смотрите! По-моему, это вам!

Две девушки наперебой тыкали пальцем в окно в форме полумесяца – именно такими оформлялись все залы для лекций Таноржского Университета. Видимо, при проектировании здания архитектор посчитал, что окна в виде полумесяца – оригинально и символично: настоящие студенты учатся и днём, и ночью. Как бы там ни было, но так уж сложилось, что моя лекция была последней, а в это время года очень рано темнело.

С гложущим нехорошим предчувствием я медленно обернулась к окну, уже слыша громкие свистяще-грохочущие звуки салюта. Густое тёмно-синее небо окрашивалось ярчайшим салютом прямо перед корпусом, где я вела занятия. Пёстрые жёлтые, красные и зелёные огни складывались в надпись:

«Виктория Палладиум, ты выйдешь за меня?»

Я так и замерла.

Ну Филипп... Ну зараза! Как же это в его духе: сделать красивый жест, чтобы сразить наповал или поставить человека в неудобное положение. Именно так он делал клиентам на новые флаеры затемнение стекол, подавал всё как подарок, чтобы они не отказывались, но потом включал работы в счёт.

А ведь я сказала ему вчера «нет»! Чётко и ясно! Глухое раздражение подкатило к горлу.

– Вы скажете ему «да»? Скажете? – Девушки звонко защебетали, захлопали в ладоши, а кто-то даже радостно взвизгнул.

– Ох, как это романтично!

– Вот бы мне тоже кто-то так предложение сделал!

– Ой, это, наверное, ужасно дорого – такие мощные салюты запускать!

Не дорого. Салют запускается с крыши арендуемого под автомастерскую здания. Место для Фила бесплатное, фейерверк он закупает оптом для ВИП-клиентов, а специалист в его конторе программирует огоньки на надписи... Одной надписью больше, одной меньше – на окладе не сказывается. Но да, романтично, тут не поспоришь.

– Профессор, у вас коммуникатор светится. Полагаю, отправитель сообщения хочет получить ответ, – заметил Кунцев, бросив взгляд на мою руку.

Я посмотрела на наручный браслет, на котором, разумеется, появился номер Филиппа. На миг аудитория притихла.

– Ответьте! Ну пожалуйста! – вновь наперебой заголосили девицы. – Скажите ему «да»! Звёздочки-галактики! Наша любимая профессор выходит замуж!

В висках снова запульсировало лёгкой болью, почти как вчера, когда мы поссорились с Филом. Я поморщилась и объявила:

– Лекция на сегодня закончена. Домашнее задание вышлю на коммуникатор старосте. Всего доброго.

Лица студентов вытянулись от обиды: определённо, они рассчитывали на шоу, но, к счастью, слово преподавателя было для них непререкаемым.

К тому моменту как я вышла на улицу, Фил прекратил попытки связаться со мной: видимо, почувствовал, что ничего хорошего его не ждёт. Или решил сделать очередной сюрприз, но уже дома?

Я глубоко вдохнула свежий осенний воздух Танорга и посмотрела на кобальтово-синее небо. В душе царил раздрай. Я чувствовала себя виноватой и в то же время безотчетно злилась на парня, с которым встречалась два года. Наверное, со мной что-то не так, раз я настолько остро реагирую на предложение руки и сердца. Надо ещё раз в спокойной обстановке объяснить Филиппу, что я этого не хочу.

Я несколько минут дышала, успокаивая нервы, а затем медленным шагом направилась к ближайшему пересадочному узлу.

Сумерки – самое прекрасное время суток на Танорге. Величественные стены университета загораются диодной подсветкой, воздушные трассы превращаются в неоновые ленты, бесшумные флаеры скользят словно металлические летучие мыши, а мерцающие огни небоскрёбов сливаются со звёздным небом, создавая иллюзию того, что город пульсирует и дышит светом. Всё движение на Танорге организовано центральной нейросетью, но в сумерках оно кажется особенно гармоничным, словно городские артерии пропускают через себя потоки жизни без единого перебоа.

Я машинально зашла в подлётевший с лёгким свистом экспресс, села на сиденье с подогревом и уставилась на ночной Танорг. То, что я приехала не домой к Филиппу или к себе, а на самую далёкую остановку пригорода к другу детства, я поняла лишь тогда, когда электронный голос сообщил название станции.

– Вот же шварх², как я могла перепутать номера поездов? – пробормотала я, изумлённо глядя на экран коммуникатора. Время было уже позднее.

Ладно, попошусь к Матвею на ночь. Не выгонит же он меня.

² Шварх – распространённое ругательство на территории Федерации Объединённых Миров.

ГЛАВА 5. Опиши мужчину твоей мечты

Ночь. В доме Матвея

Матвей откинулся на спинку кресла, прищурил глаза и сложил пальцы домиком. Он любил так делать, когда о чём-то глубоко задумывался.

Разумеется, он меня не выгнал. Стоило заявиться на порог его квартиры, как явно готовящийся ко сну друг – пижамные клетчатые штаны, такая же рубашка и вязаный жилет красноречиво об этом говорили – тут же распахнул дверь пошире. Вручил чашку тёплого фиточая и плед, усадил в кресло и только после этого скомандовал:

– Рассказывай, что случилось?

Матвей был единственным человеком во Вселенной, кому я доверяла безоговорочно. С тех пор как погибли родители, он был мне как старший брат. Мы познакомились в интернате для бездомных, но я помнила нашу первую встречу как вчера. Мальчишка чуть крупнее сверстников, но ниже ростом сидел в углу и читал книгу с неинтересной серой обложкой. Он был таким же светловолосым, как и я, а потому, когда меня начали дразнить захухрей, подошёл и дал в нос обзывающемуся.

Уже позднее я узнала, что захухрями называли всех детей в интернате с более светлой кожей, блондинистыми или рыжими волосами, потому что считалось, что в нас течет кровь людей с Захрана, а коренные таноржцы смуглые и темноволосые. Это не было обзывательством, скорее, фактом, что в родословной отметились люди с более отсталой планеты, вот и всё. Но тогда поступок Матвея поразил, и я захотела подружиться с мальчиком, который за меня заступился. Именно Матвей умудрился посадить меня на психологию, а из-за редкого перламутрового цвета волос нас часто принимали за родных брата и сестру.

Без приукрашиваний и лишних эмоций я рассказала другу обо всём, что меня беспокоило.

– Скажи, я всё придумываю? – устало спросила я, грея руки о бока пузатой чашки. – Фил же ведь неплохой... Может, это у меня заскоки? Может, я какая-то неправильная?

Вместо чёткого ответа Матвей поиграл сложенными домиком пальцами и задумчиво перечислил то, что я ему сама рассказала:

– Филипп получил от тебя отказ, после чего сделал предложение повторно. Он вычислил время, когда у тебя будет пара, чтобы в свидетелях было множество студентов, чьё мнение для тебя важно, и поставил в максимально неудобное положение. А ещё он написал обращение с фамилией, чтобы даже твои коллеги точно поняли, к какой Виктории обращаются. Это ты мне скажи, ты что-то придумываешь?

– Матвей, ну ты и...

– Ах да. Ещё вчера вечером, судя по твоим словам, он сравнил тебя с эфемерной нормальной женщиной не в твою пользу и поставил в упрёк отсутствие желания брака. Теперь всё. Так кто я?

– Прирождённый агент пси-класса. – Я возмущённо фыркнула и отпила чай, которого уже оставалось на доньшке. – Никакой новой информации не выдашь, зато перескажешь слова собеседника и ещё сомневаться заставишь.

Удивительное дело, но уголки губ друга приподнялись, будто я ему лучший комплимент сделала.

– Спасибо.

– Да пожалуйста. – Я отмахнулась и оглянулась в поисках места, куда поставить пустую чашку.

Рассказ об отношениях с Филиппом занял добрый час, яркие негативные эмоции вытекли из меня вместе со словами, начало клонить в сон. Сейчас попрошу постельное белье и заночую на диване в гостиной, как это делаю время от времени...

Стоило подняться и опустить тару на журнальный столик, как в спину внезапно прилетел вопрос:

– Вик, опиши мужчину твоей мечты.

– Прости?

Я на секунду замерла, а затем изумлённо оглянулась на друга – он точно не шутит? Судя по серьёзному выражению лица – не шутил.

Не то чтобы тема личной жизни была у нас табу, но... Матвей всегда знал, что я не собираюсь заводить семью. Вообще. Так же и я знала, что все пассии друга в лучшем случае одномесечные, но чаще всего – односуточные. Агенты, а тем более пси-класс, – это особое сочетание характера, мировоззрения и возможностей. Несмотря на то что я себя к пси-классу не причисляла, а являлась всего лишь гражданским консультантом РУТ, я хорошо понимала, почему Матвей не стремится связывать себя никакими обязательствами.

Неуютная пауза повисла в воздухе. Матвей улыбнулся.

– Я всё понимаю, – мягко сказал он. – Ты никогда не захочешь кому-либо давать рычаги давления и резонно считаешь, что любая привязанность – это слабость. Но... допустим, ты никогда не работала на РУТ, допустим – ты самый обыкновенный профессор в Таноржском Университете, и только. Или вообще выбрала не психологию, а танцы. Во! Ты танцовщица. – Он щелкнул пальцами в воздухе. – Так какие мужчины тебе нравятся?

– Не люблю все эти штучки психов, ты же знаешь.

– Да ла-а-адно, – протянул Матвей, – я сейчас не как агент пси-класса спрашиваю, а как твой друг. Ничего из того, что ты здесь произнесёшь, не выйдет за стены этой квартиры. Клянусь!

Он облокотился на колени и взял меня за руку. Не ладонь в ладонь, а за запястье – обычный жест поддержки. Я вздохнула, так как и без дополнительных напоминаний знала: то, что я скажу Матвею, останется строго между нами.

– Ты же знаешь, что я спокойно отношусь к мужчинам.

– Знаю, – кивнул собеседник. – Но ты же встречалась два года с Филиппом, значит, это тебе для чего-то было нужно.

– Ну ты же встречаешься с девушками, – парировала я.

Матвей рассмеялся, но, как мне показалось, немного наигранно.

– Ничего серьёзного. Секс, непродолжительные отношения. Поверь, Вик, ни одна из них не была даже в этой квартире.

Я удивлённо вскинула брови: ничего себе откровение!

– Но речь не обо мне, а о тебе. Расскажи мне, какого мужчину ты могла бы полюбить. За кого действительно пошла бы замуж?

Я зависла как ржавенький робот, не веря, что агент пси-класса действительно спрашивает о таком. Мы знали друг о друге практически всё, дискутировали на любые темы, играли в монополию с девяти лет и обсуждали политику...

– Я могла бы полюбить мужчину, который обо мне искренне заботится, восхищается, не пытается манипулировать и с кем я чувствую себя в безопасности, – сформулировала основные пункты, пришедшие в голову.

– Погоди, это всё?! – Друг показался ошарашенным.

Я пожалала плечами. Да какая разница, кого бы я смогла полюбить в «другой жизни»? Я живу этой.

– Матвей, может, спать, а? Постельное бельё лежит в том же шкафу, что и раньше?

Несколько секунд Матвей сидел в кресле напротив, держа взгляд на моем лице и словно что-то лихорадочно обдумывая. Моргнул, вновь улыбнулся и подскочил с кресла.

– Да-да, Вик, ты права. Время уже позднее, мне с утра в РУТ. Сейчас всё принесу.

Друг детства засуетился, стремительно рванул в гардеробную, принес стопку белья и сам же принялся заправлять одеяло в пододеяльник, при этом он что-то торопливо говорил про работу, а светлые кудряшки так и подпрыгивали от каждого движения. Уже засыпая на диване в гостиной под толстым пуховым одеялом, я думала о том, что было что-то странное в поведении обычно спокойного друга. А может, я слишком сильно устала за день?

ГЛАВА 6. Разведывательное Управление Танорга

Пятью днями ранее

Наутро я проснулась в пустой квартире с неожиданно ясными мыслями и чётким пониманием, что надо делать. Матвей убежал в РУТ, оставив на кухне тёплую записку, что не хотел будить, ключи от квартиры и завтрак. Последний я не стала есть, так как предпочитала обходиться чашкой кофе. Привела себя в порядок, убрала еду в холодильник, заправила постель, закрыла дверь и направилась к Филиппу домой.

То ли у Фила с утра пораньше в автомастерской сегодня были новые клиенты, то ли я запамятовала его расписание встреч, но очередная квартира встретила тишиной и запиской:

«Вкусь, дорогая, сегодня вечером к нам приедут мои родители. Приготовь, пожалуйста, что-то вкусненькое и без морепродуктов. Ты же помнишь, у мамы на них аллергия».

И всё.

Никаких претензий или вопросов, почему я не пришла ночевать и почему не ответила на вчерашний звонок. Зато его родители, с которыми за все два года наших отношений я виделась от силы раза три-четыре, придут в гости.

Горький ком осел в горле. Я не сомневалась, что Филипп задумал очередное признание в любви и впечатляющее предложение. С учётом того, как он любил повторять, что у его матери слабое сердце, задумка молодого человека становилась видна как на ладони. Он продавливает согласие и рассчитывает, что мне неудобно будет потом идти на попятный. Если же я скажу «нет» при его родителях, то стану виновницей того, что его мама попала в больницу из-за нервных переживаний.

Не тратя больше ни минуты на размышления, я набрала номер транспортной компании и заказала грузовое такси, а также двух роботов-грузчиков и упаковочные материалы для переезда. Одновременно со звонком принялась методично обходить комнаты и собирать свои вещи. Мне с самого начала не нравился вариант переезда к Филиппу, но он так настаивал; говорил, что много работает и хочет видеть меня чаще, и я поддавалась на уговоры... Опять же, его дом был ближе и к Таноржскому Университету, и к головному зданию РУТ.

Переезд в родную квартиру, которая всё время проживания у Фила стояла «законсервированной», осуществился неожиданно быстро. Я поймала себя на мысли, будто уже давно хотела вернуться, съехать от молодого человека и лишь искала подходящий повод. За все три с половиной часа, что я собирала коробки, Фил так и не объявился, а потому я набросала максимально короткое и ёмкое письмо, что приняла решение расстаться. Стоило оставить записку, как с души валился незримый камень. Вроде бы Матвей вчера не давал мне никаких советов и только выслушал, но после беседы с ним я почувствовала себя лучше.

В родную квартиру я вместе с роботами успела внести лишь треть вещей, когда на коммуникатор пришло сообщение: «Виктория, прошу срочно подъехать в РУТ. Нужна ваша консультация». Номер принадлежал строгому и суровому начальнику департамента. Оставив дела на роботов, я метнулась в душ, переделалась в свежий деловой костюм и помчалась на вторую работу.

Офис Разведывательного Управления Танорга, как всегда, встретил стерильно чистыми мраморно-белыми полами, светло-серыми стенами и дотошной проверкой документов на контрольно-пропускном пункте. Новый охранник хмурил брови, сравнивал моё изображение с базой данных и трижды просил приложить пальцы к сканеру отпечатков. Я терпеливо выполняла приказы, с тоской думая о том, что, наверное, даже первых лиц планеты не охраняют так тщательно, как головной офис РУТ.

Стоило зайти в кабинет шефа, как внутри всё похолодело. Это было типичной реакцией организма на Иосифа Игнатьевича. Вроде бы в кожаном кресле сидел обыкновенный мужчина

средних лет с невыразительной внешностью, седыми висками, чуть опустившимися щеками и светло-кариими глазами. Вопреки расхожим мнениям и слухам, глава департамента носил стандартные офисные костюмы и ничем не отличался от среднестатистического таноржца. Однако было в нём что-то такое, от чего всякий раз, когда я смотрела на высокое начальство, спина покрывалась мелкими капельками пота, а безотчётный страх выпускал цепкие коготки в мои лёгкие.

– А-а-а, мисс Палладиум, это вы? Проходите-проходите. – Иосиф жестом указал на сиденье напротив рабочего стола, что-то допечатал в ноутбуке, пока я усаживалась, закрыл крышку и остановил внимательный взгляд на моём лице. – Как ваши дела?

– Спасибо, всё хорошо.

Шеф выглядел добродушно, но я не обманывалась: именно этот человек, по сути, управлял всем Разведывательным Управлением Танорга. Именно по одной его подписи любого сотрудника могли сослать на самый далёкий астероид без суда и следствия. Спина сама собой выпрямлялась до состояния идеальной палки, а ладони приходилось контролировать, чтобы не сжать в кулаки. В итоге я их просто сцепила и уложила на колени.

– Вы выглядите напряжённой, – отметил собеседник.

Увы. Я хороший консультант по поведенческому анализу, но до полевого агента мне как пешком до Луннора. Я, чуть помедлив, кивнула.

– Это личное.

– Хм... Надеюсь, это напряжение не связано с внезапным предложением о замужестве от вашего молодого человека?

Я прикрыла глаза. Ну конечно... предложение Филиппа было написано на небе цветными фейерверками в центре мегаполиса. Было бы странно, если бы РУТ не обратило на это внимания.

– Не волнуйтесь. Я помню, что должна предупреждать о смене социального статуса, но я не собираюсь замуж.

– Вы уже вернулись на свою квартиру. – Шеф произнёс это не столько вопросительно, сколько утвердительно.

И этот момент, оказывается, обо мне уже доложили! Но как? Откуда? Я же ведь только утром приняла такое решение! Неужели слежка?

– Мы не следим за нашими сотрудниками, – словно угадав вектор моих мыслей, сообщил Иосиф Игнатьевич. – Но в жилище, указанное вами в анкете как основное место жительства, в систему «Умный дом» встроена кнопка экстренного реагирования в целях вашей же безопасности. Сегодня система передала, что вы впервые за несколько месяцев вернулись домой, да ещё и надолго. Служба безопасности посмотрела последние звонки с вашего коммуникатора и обнаружила заказ на переезд.

Всё просто как дважды два. Понятно. Как бы мне ни хотелось делать вид, что я живу обычной нормальной жизнью и лишь изредка оказываю услуги РУТ, я под колпаком, о чём мне культурно напомнили.

– Виктория, это для вашего же блага. Мы не вмешиваемся в личную жизнь сотрудников, – повторил шеф, нахмурившись, и осуждающе покачал головой.

Кивнула.

– Да-да, конечно понимаю. Так зачем вы меня позвали?

Глубокие складки на лбу собеседника моментально разгладились.

– Виктория, у вас замечательный избегающий привязанностей тип личности для агента пси-класса. Если бы вы, как и Матвей, стали работать в полную смену на РУТ, то я был бы счастлив, – завёл знакомую шарманку Иосиф Игнатьевич.

С этих слов он начинал разговор примерно каждые полгода, так что я немного расслабилась. Выслушала его аргументы «за», условия прекрасного оклада и прочих «плюшек» и, как всегда, деликатно отказалась:

– Простите, но я не гожусь ни в полевые, ни в штатные агенты. Мне нравится место консультанта, да и основная моя деятельность – профессорская. Я люблю преподавать психологию студентам.

Но дальше вместо традиционных уверений в том, что мои мозги послужат родине гораздо лучше в РУТе, чем в университете, Иосиф Игнатьевич тяжело вздохнул, наклонился к ящику в тумбочке и положил флешку на стол.

– Хорошо, я понял, что вы не хотите на полную ставку. – Он кивнул. – Тогда вот ваше задание, ради которого я вас вызвал. Здесь вся информация об оперативнике с позывным «Гроссмейстер», он же Редж Брайт. Мне нужен план перевербовки агента в кратчайшие сроки, чтобы наши люди могли взяться за работу. У вас пять дней, Виктория. Не разочаруйте меня.

Флешка перекочевала в мою ладонь.

– П-простите?! – Я выдохнула, рассматривая то устройство, то её хозяина.

Так и хотелось воскликнуть: «Вы смеётесь? Пять дней?! Я вам не суперкомпьютер». Пришлось подобрать более приличное и деловое:

– Сэр, у меня только две недели уйдёт на просмотр материалов. – Я перевернула флешку и всмотрелась в индикатор памяти... Терабайты информации! – Месяц, – тут же поправилась. – А надо же проанализировать его поведение, составить психологический портрет, разработать сам план. Иногда ради получения дополнительной ключевой информации требуется до полугода!

– Вот и займитесь этим, Виктория. Нечего терять драгоценные минуты. – Светло-карий взгляд стал неожиданно жёстким. – Нам кровь из носа нужен Гроссмейстер.

Я поднялась с сиденья и на негнущихся ногах прошла к выходу. Уже у двери очнулась и обернулась к шефу:

– Иосиф Игнатьевич, а из какой организации мы собираемся перетянуть агента?

– Особый Отдел Космофлота.

В горле резко запершило.

ГЛАВА 7. Кто ты, Редж Брайт?

Виктория Палладиум

Ближайшие пять суток слились в бесконечный выматывающий кошмар. Я вставала в пять утра и неслась в РУТ, садилась за материалы и до глубоких сумерек просматривала видеозаписи с господином Брайтом, возвращаясь домой за полночь. Питалась энергетическими батончиками, фастфудом и какой-то дрянью, лишь бы только сэкономить драгоценное время. В конце концов, последние ночи от выделенного срока оставалась дремать в офисе на неудобной раскладушке.

Лекции в университете пришлось отменить, сославшись на внезапную простуду. Студенты прислали гору сообщений с пожеланиями скорейшего выздоровления. Впрочем, моё состояние было недалеко от болезни: глаза болели от экрана так, будто в них насыпали песка, а в голове стоял ватный туман, но я тщательно пересматривала многочисленные фотографии, голограммы, видеоматериалы и заметки о Редже Брайте.

На первом видео господин Гроссмейстер был гладко выбрит. На нём красовались пёстрые парусные брюки с манжетами на щиколотках и широким поясом на талии, такие ещё называли «штаны-алладины», свободная безрукавка, а тёмные волосы были убраны в тугий пучок и скреплены причудливыми деревянными спицами. Редж вёл под уздцы верблюда и на рывкающе-лающем языке ожесточённо спорил с женщиной, одетым один в один так же, но при этом имеющим нехарактерную для жителей Федерации жёлтую кожу.

«Отправился в составе делегации на планету Энхой и за три дня договорился с атаманом о выкупе шахты с ракетным топливом по грошовой цене, тем самым пополнил запасы горючего Космофлота, предотвратил экологически опасный взрыв и спас несколько десятков тысяч жизней. Энхойцы, согласно древней традиции, планировали развести костры в шахте и принести женщин в жертву подземному богу», – стояла приписка в соседнем документе.

К сожалению, языка планеты Энхой, не входящей в состав Федерации, я не знала, а по обрывочным фразам с видео ни один искусственный интеллект не смог распознать, о чём идёт речь. Я лишь сделала пометку, что агент, судя по всему, обладает феноменальной памятью на иностранные языки и напористым характером. Скорее всего, экстраверт, потому что не смог бы человек-интроверт так нагло и жёстко торговаться. Когда Редж говорил, лицевые мышцы активно сокращались, крылья носа раздувались, а челюсть постоянно была напряжена.

Следующий материал поставил меня в тупик. На этот раз не было видео, лишь голограммы и фотографии, но мне даже пришлось распечатать и сравнить внешность с предыдущим Реджем Брайтом.

Этот Редж, с другого задания, выглядел замкнутым и напуганным до ужаса мальчишкой в грязных рваных штанах и почему-то вывернутой наизнанку куртке на голое тело. Некогда гладкие чёрные волосы свисали колтунами на лицо, которое агент старательно держал опущенным. Даже в бесформенной куртке Редж смотрелся очень крупным, но он так двигался, так вздрагивал от редких толчков или прикосновений посторонних, что я готова была поклясться – этот человек боится всего вокруг! На одной голограмме Брайт присел на корточки, обхватил себя руками и начал раскачиваться из стороны в сторону. Габариты Реджа терялись на фоне того, как он себя вёл.

«Агент блестяще изобразил отстающего в развитии гуманоида на шаттле со школьниками, когда произошло нападение космических пиратов. Благодаря действиям Гроссмейстера двигатель звездолёта был замедлен. Истребители Космического Флота успели перехватить шаттл раньше, чем похитители увели корабль через границу Федерации. Для РУТ остается загадкой, почему, зная о предстоящем нападении, Космофлот не выслал подмогу сразу. В ходе операции ни один ребёнок не пострадал».

Строчка с характеристикой «экстраверт» была решительно вычеркнута из блокнота.

Дальше я несколько раз пересмотрела видео с Реджем Брайтом в приталенном, сшитом на заказ деловом костюме, со строгим чемоданом-сейфом в руке. Волосы мужчины были собраны в высокий ухоженный конский хвост. Редж о чём-то тихо переговаривался с высокопоставленным цваргом. Пометок к записям не было – видимо, наши не выяснили, что именно происходило на встрече, – однако мимика и поведение Гроссмейстера хорошо считывались. Редж представлял уравновешенным и спокойным, как каменная стена. По результатам переговоров сейф перекочевал в руки цварга, хотя чувствовалось, что тот не хочет его принимать.

Мне не приходилось работать с цваргами, но я знала, что эти гуманоиды в силу строения организма с помощью рогов-резонаторов улавливают эмоции из воздуха и терпеть не могут, когда рядом кто-то ими фонтанирует.

Судя по застывшему, словно восковая маска, выражению лица Реджа и длительности переговоров, я сделала два вывода: агент первоклассно умеет владеть не только реакцией своего тела и мельчайшими сокращениями лицевых мышц, но и следит за сердцебиением и эмоциональным фоном. И, конечно же, в совершенстве знает цваргский язык.

Как это вообще возможно?!

Харизматичный, образованный, первоклассно играющий любую роль, умеющий убеждать и получать информацию. А ещё опасный. Чем дольше я смотрела видеоматериалы, тем отчётливее понимала: как же повезло, что Разведывательное Управление Танорга не конфликтует с Особым Отделом Космофлота. Да, это две совершенно разных организации, цели которых могут различаться, но на открытый конфликт Космический Флот с Таноргом точно не пойдёт. Да и один такой мужчина, как Редж, стоит целого подразделения.

После видео с переговорами я не то восхищённо, не то раздражённо покачала головой и перешла к другим папкам на флешке. На каждой фотографии, голограмме или видео действия и мимика Реджа Брайта были идеально выверенными, точными и неожиданными, как ход коня, приносящего шах. Я постепенно осознала, почему ему дали прозвище «Гроссмейстер».

– Кто ты, Редж Брайт? – пробормотала я, пересматривая очередное видео, где мужчина вошёл в захваченное террористами здание и буквально за десять минут убедил их сдаться.

За пять дней у меня в голове воцарился хаос, но я так и не смогла составить не то что план по перевербовке агента Особого Отдела Космофлота, но даже его психологический портрет! Так, жалкие заметки: амбидекстр, легко обучаем, жонглирует языками, как боевики – ножами.

Коммуникатор провибрировал в который раз. Филипп снова писал... Я была так занята все дни, что практически не отвечала бывшему молодому человеку. Наша с ним переписка преимущественно состояла из его сообщений:

«Викусь, ну выходи за меня замуж! В конце концов, у нас обоих понизится налоговая ставка».

«Моя мама крайне расстроилась, что тебя не было вечером. Возвращайся уже наконец. Это не смешно!»

«Тебя не было дома. Где ты? Я хочу поговорить».

«Вика, прекрати паясничать! Когда ты вернёшься ко мне?»

«Никогда. Фил, повторяю, между нами всё кончено. Я ушла».

Филипп категорически отказывался верить в то, что я разорвала с ним отношения. Моих «нет» он не слышал.

Очередным перлом, после которого я не выдержала и всё-таки перезвонила бывшему, было: «Вика, вообще-то ты должна быть мне благодарна! Я предлагаю тебе не просто брак, а свою фамилию. Наконец-то ты перестанешь быть какой-то там Палладиум, как твой дружок Матвей и сотни интернатовских детей».

На Танорге всем детям, у которых власти по каким-то причинам не нашли документы, давали фамилию Палладиум, в честь благородного металла, который повсеместно использо-

вали в микросхемах и в том числе благодаря которому планета процветала. Я никогда не стеснялась этой фамилии, но то, как пренебрежительно к ней относился Фил, злило. Слово «дружочек» в адрес Матвея и вовсе вывело из себя.

«Я найду тебя, и мы поговорим», – было в последнем сообщении от Филиппа, и звучало это как угроза.

Время было на исходе. Я ощущала это всеми фибрами души. Наверное, именно так обезвреживающий неизвестную бомбу сапёр не смотрит на щиток с бегущими цифрами, но чувствует время. Каждую секунду. Каждую швархову терцию.

Иосиф Игнатьевич не сказал, к какому часу я должна прислать план перевербовки, но за пять дней я так и не смогла ничего придумать. Чутьё подсказывало, что официальные «белые» схемы с деньгами, поддельными документами, защитой от властей и прочим Гроссмейстера не интересуют. Он игрок совсем другого уровня. «Чёрные» схемы с шантажом и прочими неприятными вещами могут аукнуться самому РУТ, да и в тех данных, что мне передали, не нашла я уязвимых мест загадочного Реджа Брайта, как и его настоящего. В папках было так много разных Реджей, что я терялась в догадках и не знала, какой из них реальный.

Адаптивности поведения Гроссмейстера мог бы позавидовать и хамелеон. От видео к видео у Брайта не менялась лишь внешность: длинные волосы цвета горького шоколада – он их ни разу не красил, не сбрасывал и не носил парики; чёрные глаза – использования линз я тоже не заметила; провокационно-вызывающая штанга в языке. Редж предпочитал не менять внешность. Одежду, причёски – да, но не себя самого.

Правильнее всего было бы шаг за шагом попытаться наладить контакт с агентом и узнать его по мелочам, но этого времени не было. Как и полевых сотрудников в подчинении.

Короткий входящий звонок на коммуникатор и строгое: «Виктория, зайди ко мне» – совсем не удивили.

В приёмной шефа я столкнулась с Линдой – обаятельной шатенкой, секретаршей шефа. Девушка поморщилась, закрыв дверь к начальству одной рукой и придерживая лейку для растений другой. Она выразительно закатила глаза и беззвучно сгримасничала:

– Он опять не в духе! Кошмар какой-то! Красные дни у него, что ли? А ещё про женщин говорят, что мы неуравновешенные.

Я заторможенно кивнула и зашла в кабинет. Иосиф Игнатьевич привычно сидел в глубоком кожаном кресле и ждал меня. Только в этот раз он ничего не печатал. Седые виски поблёскивали в холодном голубом свете диодов. Неудачное освещение добавляло шефу лет, подчёркивая глубокие морщины вокруг рта и на лбу. На этот раз Иосиф Игнатьевич даже не попытался изобразить добродушие, сразу перейдя к делу.

– Виктория, садитесь и рассказывайте план.

Я дёрнула плечами, чувствуя на себе буравящий взгляд начальства, села в кресло и призналась, как в прорубь прыгнула:

– Плана нет.

Брови мужчины недовольно сошлись на переносице.

– Но психологический портрет-то есть?

Я сглотнула ставшую вязкой слюну.

– Боюсь, его тоже нет. Редж Брайт – очень сложный человек. Я...

– Ясно, совсем нет, – перебил Иосиф Игнатьевич. – Виктория, скажу сразу. Я считаю вас очень перспективным агентом пси-класса и намного более талантливым, чем тот же Матвей.

– Простите? – Я не успевала за мыслями руководства, и это мне категорически не нравилось. С точки зрения РУТ, все эти годы я была лишь гражданским консультантом, а Матвей неоднократно раскручивал весьма сложные схемы...

– Прекращайте, Виктория. Я же не идиот и могу сопоставить его способности и ваши. Я прекрасно знаю, что в последний раз именно вы грамотно и в кратчайшие сроки смогли вычислить предателя.

Среднестатистические по Таноргу светло-карие глаза уставились на меня, а по моей спине пробежал озноб.

Как?!

Всегда, когда я помогала другу, Матвей докладывал, что сделал это сам.

– Вы, наверное, что-то перепутали, – я попыталась увильнуть, – Матвей очень любит свою работу и...

– ...и не имел понятия, кто предатель, до тех пор, пока не зашёл в ваш кабинет, а сразу после написал подробный доклад. Отдел безопасности уже давно обратил внимание, что Матвей слишком часто к вам шастает. Чаше, чем к другим коллегам, хотя вы работаете даже не полную ставку. Стоило наложить его странное поведение на результаты задач, как всё стало ясно само собой.

Я прикрыла глаза. Камеры. Ну конечно...

Увлекаясь мимикой и поведением людей, я совсем перестала обращать внимание на технику.

– Итак, я считаю, что вам этот Редж Брайт по зубам. Вы обязаны его завербовать. Любыми способами, – подвёл итог Иосиф Игнатьевич так, будто посылал в ближайшую круглосуточную закусочную за картошкой фри.

– Что?

Несмотря на то что я сидела, пол под ногами дрогнул. Меньше всего на свете я хотела влезать в агентуру по уши. Жила же до сих пор обычной спокойной жизнью преподавателя психологии и изредка помогала в РУТ, меня всё полностью устраивало. Сейчас же меня насильно из стороннего гражданского консультанта пытались превратить в полевого агента.

– А что будет, если я не смогу? Если у меня не получится? – спросила, облизав пересохшие губы.

У меня не было семьи, я не нарушала закон, да и финансово не зависела от РУТ благодаря ставке профессора в университете, а следовательно, на меня нечем и некем было давить. С Филиппом и тем рассталась. Единственный близкий друг – Матвей – работает на РУТ, не станут же они делать плохо собственному сотруднику.

– Виктория. – Иосиф Игнатьевич тяжело вздохнул и повёл плечами, словно сбрасывал тяжёлый груз. – Мы же взяли вас в интернате ещё маленькой девочкой, дали качественное образование, помогли устроиться в жизни. Наши юристы сняли для вас первую квартиру, чтобы вас ничто не отрывало от учёбы. Неужели вы не хотите отблагодарить Разведывательное Управление и помочь с этим делом?

РУТ я была благодарна. И именно поэтому продолжала работать внештатным консультантом, но всё-таки вопрос был в другом:

– А если я всё-таки не справлюсь?

Шеф департамента посмотрел с укоризной.

– Я не стану ничего говорить про Матвея, хотя ваша привязанность к нему очевидна... – протянул мужчина. – Но, помимо Матвея, ещё же есть интернат.

Одно слово «интернат», а меня как ледяной стрелой пронзило. Во рту пересохло, сердце забухало в грудной клетке словно таран, а в голове застучали молоточки по натянутым нервам.

Для меня интернат стал местом, где я была абсолютно счастлива. Нянчки и воспитатели заботились о нас, сиротах, как о родных, дарили столько любви и заботы, сколько не всегда дарят даже родные люди. Я попала в детский дом на Танорге в пять лет и не понимала, что произошло с родителями, а потому первое время звала Люси – девушку, которая читала нам по вечерам сказки, – мамой. Это уже потом мне всё объяснили...

Дети, с которыми я выросла, давно разъехались и живут самостоятельными жизнями, но искреннее тепло при одном лишь воспоминании интерната всегда окутывало мысли. Пускай и небольшие, но ежемесячные пожертвования этому замечательному месту вошли в привычку, но ни с кем – ни с ровесниками, ни с нянечками – я не встречалась, чтобы собственноручно никому не вручать средства для манипулирования. К сожалению, похищения и шантажи – самое частое явление в мире криминала.

Сейчас, глядя на Иосифа Игнатъевича, я не могла поверить, что РУТ нашёл и мою уязвимую точку.

– Вы знаете, Виктория, я обращал внимание на закономерность: дети, выросшие без родителей, очень тепло относятся к таким же, как они, и к тем, кто за ними ухаживал. Поймите меня правильно, я не угрожаю... Но без значительного финансирования со стороны Танорга интернаты будут вынуждены отсылать детей с примесью крови в другие Миры. Кроме того, сократятся рабочие места для воспитателей.

Он красноречиво посмотрел на мои светлые волосы. В памяти всплыло само собой воспоминание «захухря», хотя я искренне считала себя таноржкой.

– Вот вроде бы и на Захране люди живут, и на Танорге, – продолжал рассуждать Иосиф Игнатъевич, – но вы в курсе, Виктория, что средняя продолжительность жизни захухрей около восьмидесяти лет? Мало, правда? На фоне наших-то почти двухсот... А там, говорят, и почва с радиоактивным слоем, и небо из-за парникового эффекта вместо голубого всегда серое, а лучшие продукты по меркам Межгалактической Организации Здравоохранения еле-еле дотягивают до «шестёрки». Хотели бы вы там жить?

Вопрос был риторическим.

– Вам тридцать семь, Виктория. Это на Танорге вы молодой специалист, а живи на Захране... – Он выразительно приподнял брови. – Впрочем, не факт, что вы там вообще получили бы хоть какое-то сносное образование, а попрошайки, говорят, долго не живут. Если подумать, то многие дети в наших интернатах имеют достаточно яркие голубые глаза и более светлую масть, чем коренные таноржцы. Встречаются даже рыженькие девочки и мальчики.

– Нет... это же несправедливо – отсылать кого-то на Захран просто из-за внешности, – пробормотала я.

– Несправедливо, – серьёзно кивнул мужчина. – Но вы должны понимать, что жизнь – это ресурсы. Чтобы интернаты функционировали, существовала качественная бесплатная медицина, а граждане получали соцпомощь, кто-то должен за это платить. Ресурсы не берутся из воздуха. Деньги на это идут с налогов техногигантов, экспорта электроники и технологических инноваций. Всё это легко крадётся и перекупается, и именно РУТ в конечном счёте обеспечивает платежеспособность Танорга. Не будет нас – развалится система. Танорг кажется устойчивой системой, но всё шатко. Всё функционирует лишь до тех пор, пока у нас преимущества перед Федерацией, есть уникальные товары. Любая кража идеи или мозгов может обернуться катастрофой планетарного масштаба, а нам сейчас очень нужен Редж Брайт. Так что завтра вы пойдёте на обед с Гроссмейстером от лица нашей организации и костыми ляжете, но завербуете агента. Любыми средствами. Другого расклада я не приму.

Где-то в другом уголке космоса. Месяцем ранее. Редж Брайт

– Мне это не нравится, Ким. – Я покачал головой. – Может, обойдёмся без Танорга? Корень нашей проблемы кроется в Пиксе.

– Всё схвачено, расслабься. – Ким махнул рукой. – Я вбросил информацию так, что Разведывательное Управление Танорга будет думать, будто ты из Особого Отдела Космического Флота. Комар носа не подточит! У них самих проблемы с Пиксом с чёрную дыру, денег в бюджете планеты нет, все мозги крадутся шестиручками. Они вцепятся в тебя клещами! В этом

предприятию Танорг нам, по сути, союзники, да и они будут уверены, что вербуют тебя по собственной воле. Где ж ещё такого агента найти?

Однако я не перенял весёлую манеру собеседника и серьёзно ответил:

– Это-то меня и беспокоит. Если кто-то из людей замешан в истории с Пиксом, то мы сильно рискуем. Если же Пикс действует самостоятельно, то мы лишь привлекаем ненужное внимание к Таноргу. Они могут пострадать ни за что ни про что.

Ким пожал плечами.

– Жизнь – вообще сложная штука. В этой игре на выживание каждый из нас пытается не стать жертвой, съеденной ферзём или ладьёй.

На несколько секунд я прикрыл глаза, размышляя.

– Они пришлют ко мне кого-либо завербовать. Если человек мне не понравится, я откажусь. Если это будет женщина, я откажусь. Шварх! – Я машинально взлохматил волосы. – Я при любом раскладе точно откажусь! Не нравится мне это.

– Ну, воля твоя, Редж. Ты у нас Гроссмейстер. Но помни: на всё про всё у нас от силы месяц, вряд ли Рафаэль сможет их сдерживать дольше. Если не отдадим им их собственность, то даже Космофлот не поможет. А все миры ФОМа для вольтеранцев одинаковы, мы для них как муравьи, и они не станут разбираться, кто виноват. Снесут одним махом, и всё. Будет вторжение.

ГЛАВА 8. День Икс

Виктория Палладиум. Наше время

Сеть ресторанов «Звёздные завтраки» – одна из популярнейших на Танорге. Заказ еды через вмонтированное в столешницу электронное меню, высокое качество кухни, скоростные роботы-разносчики блюд, а также стены-перегородки из голографического материала, на которые проецируется космическое пространство Федерации в режиме реального времени, давно стали визитной карточкой Танорга. Многие туристы даже отдельным пунктом в программе вписывали посещение «Звёздных завтраков», потому что здесь было относительно недорого, очень вкусно и невероятно красиво.

Но не об этом я думала, заходя в ресторан.

Я знала, что Редж Брайт обладает мощной харизмой, но и представить не могла, что, встретившись с чёрным, как космос, взглядом, запнусь и полечу носом в пол.

Редж Брайт

Девушка, которую прислало Разведывательное Управление Танорга, с первой секунды дала понять, что не является полевым агентом. Шварх, да я даже сомневался, что она обычный офисный сотрудник! В лучшем случае – гражданский консультант-психолог с почасовой оплатой.

Зайдя в «Звёздные завтраки» на тонких шпильках, Виктория поскользнулась, и лишь моя нечеловеческая реакция не дала ей разбить голову. Я рванул с места и рефлекторно её подхватил. И лишь после того, что сделал, осознал, что это могло быть проверкой. Но нет, Виктория покраснела и столько раз извинилась, что стало ясно: никакая это не проверка и актриса из неё так себе.

Легко краснеющая блондиночка была одета в невзрачное однотонное деловое платье и графитовый пиджак, прекрасно оттеняющий огромные голубые глаза. Аккуратный маленький носик, сдержанный, почти незаметный макияж, минимум украшений и духи с сандалом из масс-маркета, которые ей совершенно не подходили. Типичная серая мышка... Нет, по внешности, конечно же, не мышка, но по поведению – да. Такие больше всего на свете ценят стабильность и предсказуемость, стеснительны, стараются избегать конфликтов, боятся критики и осуждения общества.

До ушей доносился лепет:

– Переходите работать на нас. Премии, страховка, поддельные документы. Мы с удовольствием оплатим любые издержки.

Она нервничала и ежеминутно кусала светло-розовые губы.

– «С удовольствием» я беру существенно дороже.

Сам не понял, как ляпнул такое.

То ли мне понравилось, как алеют щёки и ушки этой блондиночки, то ли маска обаятельного повесы, которой приходилось пользоваться, чтобы получать информацию от женского пола, настолько срослась с кожей, что этот застарелый намёк на горизонтальную плоскость соскочил с языка сам собой. Про себя я уже решил, что не нужна мне ни неопытная напарница, ни помощь РУТ в принципе. Откажусь, придумаю что-нибудь ещё. Ким поймёт.

И чтобы у РУТ не возникло вопросов касательно моего отказа, я добавил:

– Виктория, я до сих пор не услышал ничего интересного. Мне не нужны ни четырёхзначный оклад, ни медицинская страховка, ни даже политическое убежище. У вас что-нибудь ещё есть? Дайте-ка угадаю, а больше ничего и нет? Вам поручено меня заинтересовать... Я

бы сказал «завербовать», но, боюсь, вербовка – не ваше, Виктория. Увы, услуги кабинетного психолога мне тоже не нужны.

Грубо, но мы и не в детские игры играем. Похоже, эта перламутровая блондиночка совсем не понимает, во что ввязывается. Знал я таких агентов в разных организациях... Ослеплённые воображаемой романтикой секретности, они неслись на задания, словно глупые мотыльки на огонь. Система их перемалывала в крошку в первую очередь. Для сильнейших такие, как Виктория, – разменные пешки в шахматной игре.

Я сделал выразительную паузу, окинул наглым взглядом фигуру собеседницы и добавил:

– Но я не отказался бы от более тесного контакта с вами, Виктория. Вне контекста организаций, на которые мы работаем.

Если она поймёт сейчас, что к ней относятся как к расходному материалу, то есть шанс, что уйдет из РУТ добровольно. К сожалению, нет у меня ни времени, ни возможности навести порядок в светловолосой головке.

– Нет, спасибо.

– Нет? – Отличный ответ! – Ну нет так нет.

Надо было прощаться, но не тут-то было. В «Звёздные завтраки» внезапно ввалился разодетый фронт с совершенно непристойным криком:

– Как это называется, Вика?! Думаешь, я такой же лох, как и все твои предыдущие трахальщики?!

А в следующие десять минут я понял, как сильно просчитался с психологическим портретом кабинетной девчонки.

Типичная серая мышка обернулась валькирией. Вместо того чтобы бляеть что-то бессвязное, она с достоинством поднялась с кресла и ловко поставила бывшего на место. Глазки кренделя испуганно забегали, в большую головку пришла «гениальная» мысль пригрозить иском о взыскании необоснованного обогащения.

Тошнит от таких. Как же это мелко и омерзительно, когда мужчина при разрыве отношений пытается подсчитать, сколько потратил на женщину, и страсти с неё издержки, словно она не оправдавшее его ожиданий финансовое вложение. Назвал бы его парнокопытным, но животные ведут себя куда как благороднее. Не мужчина – членосец.

До чесотки в костяшках пальцев захотелось набить морду фронту, но гораздо приятнее было смотреть на то, как преобразается Виктория. Вроде бы изменились почти неуловимые детали: положение подбородка, осанка, жесты, разворот плеч и взгляд, – но клянусь, это была уже совсем другая женщина. Уверенная, знающая себе цену и не стремящаяся слиться с серой массой. Она не только не стусевалась, но и переняла оружие бывшего, оценив ещё и их секс. Каюсь, с трудом сдержался, чтобы не заплодировать. Это было... феерично. Блестящая блиц-партия, однако!

Стоило ничтожеству удалиться из «Звёздных завтраков», как магия закончилась: величественная воительница вернулась к прежнему амплу.

– Прошу прощения за неприглядную сцену с моим бывшим, мистер Брайт. Я уже поняла, что вы не хотите заключать сделку с РУТ, давайте доедим и...

– Я передумал.

Она изумлённо посмотрела глазами оттенка чистейших голубых топазов.

– Я передумал. Я возьму задание от вашего руководства, но помимо того, что вы перечислили, Виктория, я хочу ещё кое-что.

– Что же?

– Вас, Виктория. Я хочу вас.

А точнее, мне хочется тебя разгадать. Очень надеюсь, что эта сцена не является профессиональной режиссёрской постановкой.

Виктория Палладиум

Надо было сидеть тише вакуума, ниже кратеров и убеждать Иосифа Игнатьевича в том, что моя работа заключается в консультировании.

Щекам стало резко жарко. Захотелось жёстко осадить этого самоуверенного красавца, вот только слова шефа об интернате... Перед глазами мелькнули дети, которых отправят на грязный Захран, и воспитатели, которые потеряют работу.

Я сглотнула.

«Я хочу вас», – отдавало набатом в ушах. И голос этот... глубокий и обволакивающий, пробирающий до мурашек как терменвокс³.

Язык будто присох к нёбу. Титаническим трудом мне всё-таки удалось уточнить:

– Простите, а в каком качестве?

– В качестве личной помощницы с... широким спектром обязанностей, – не моргнув и глазом тут же ответил мужчина и посмотрел на меня абсолютно чёрными глазами. – Согласны? Зачем?!

Редж Брайт мог заполучить любую женщину в свою постель. Абсолютно любую!

По-хорошему, надо было уточнить, а, собственно, что входит в «широкий спектр обязанностей». На какой период? Только рассталась с одним мужиком, который пытался на меня давить, как тут же на горизонте образовался второй. Не покидало стойкое ощущение, что это ещё одна манипуляция, разгадать которую на этот раз мне не по зубам.

Редж как ни в чём не бывало взял запечённое куриное крылышко с блюда, захрустел панировкой, а затем медленно и смачно облизал пальцы. Вопиюще неприлично и неожиданно сексуально. В крупном мужском рту мелькнула блестящая головка штанги. Я, сама не заметив, как заморожённая кивнула. Брайт в ту же секунду, словно только такого ответа и ожидал, бросил на стол чипы с кредитами и скомандовал:

– Пошли, – без спроса переходя на «ты».

Что? Куда?!

Я так не успела спросить – Реджа и след простыл!

Я схватила клатч со стола и бросилась вдогонку, чувствуя, как закипает злость. Один кивок, а этот мужлан уже вообразил, что может отдавать распоряжения и я должна за ним бегать словно собачка! Увы, размашистые шаги Брайта оказались существенно быстрее, чем моё дефилирование на шпильках. Разогнав приличную скорость, чтобы догнать агента, я с трудом успела затормозить перед мощной спиной, обтянутой чёрным шёлком.

– Где припаркован твой флаер? – не оборачиваясь, спросил Редж.

– Флаер? – Я недоумённо моргнула. – Так я на общественном транспорте обычно добирюсь. Он быстрый и удобный.

– И так ездит большинство таноржцев, – пробормотал мужчина под нос и добавил чуть громче: – Прыгай.

Я потянулась к коммуникатору, чтобы послать сообщение шефу о результатах переговоров, а потому проглядела, куда надо «прыгать». Переспрашивать не пришлось. Редж подогнал ко входу кричаще-лимонный спортивный кабрио-флаер: массивная радиаторная решётка украшала аэродинамичный корпус машины с откидным верхом, острые углы, сощуренные глаза-фары и двигатель с таким утробным рычанием, что тело невольно покрывается мурашками. Если бы меня спросили, какая машина на всей парковке лучше всего подходит Мистеру-Большое-Самомнение, я бы указала именно на этот флаер.

Стоило моей попе коснуться сиденья, как кабрио стремительно взмыл вверх, занимая самую высокую и скоростную воздушную трассу. Я судорожно вцепилась в ремень безопасно-

³ Терменвокс – музыкальный инструмент, управляемый без физического контакта исполнителем, работает на принципе взаимодействия электрического поля, создаваемого антеннами, с телом музыканта.

сти, лишь с третьего раза попав металлической клипсой в паз. Куда он так несётся? Зачем нарушает столько правил? Но будто этого было мало, Редж усмехнулся и начал обгонять транспорт, постоянно перестраиваясь то правее, то левее. В ушах засвистело, сердце сжалось и облегчённо ударило в рёбра каждое успешное перестроение.

– Ты уже отправила сообщение начальству?! – крикнул Редж, перекрывая потоки воздуха.

– Да! – Я сжала единственный подлокотник в салоне.

Брайт, одной рукой придерживая руль, схватил моё запястье, стянул наручный браслет и выкинул. Я бы сказала в «окно», но тут правильнее будет «через крышу».

– Что ты наделал?!

Возмущению не было предела. В голове мигом пронеслись все доступы и коды к РУТ, важная, хоть и зашифрованная переписка, выговор айтишников за порчу имущества организации... С такой высоты коммуникатор точно разбился. Но ответом мне вновь были лишь пронзительный чёрный взгляд и до печёнки раздражающая ухмылка. А затем кабрио вильнул резко вниз под днище впереди летящего грузовика.

– А-а-а! Ты нас убить решил?! – завизжала я, ожидая боли от столкновения, но её не последовало.

Редж ювелирно вписался и, к счастью, теперь держал руль двумя руками.

– Слышала выражение «как водишь флаер, так занимаешься сексом»?

Смешок в конце вопроса доконал. Перед глазами запрыгали мушки закипающей ярости. Мне вообще-то страшно, а он шутит!

– То есть в постели ты такой же быстрый и можешь привести партнёршу лишь в ужас? – рявкнула, не узнавая себя.

Приличная, корректная и воспитанная Виктория осталась в «Звездных завтраках». Редж выразительно поднял тёмную левую бровь, бросил беглый взгляд, словно удивившись, что не все женщины, оказывается, падают в обморок от его постельных талантов, и хмыкнул:

– Вообще-то, я имел в виду, что очень аккуратен и могу рассчитать каждую секунду удовольствия.

– Удовольствия?!

Я постаралась фыркнуть, вложив в это слово всё, что думаю о бешеных гонках в черте мегаполиса.

Редж ничего не ответил, лишь сощурился, переключил передачу и крутанул рулём так, что мы начали падать... Время замерло. Кажущаяся с высоты тонкой синяя лента стремительно приближалась, разрастаясь в широкую полноводную реку. От ужаса я застыла, не смея пошевелиться. Желудок прилип к позвоночнику, в ушах оглушительно запульсировала кровь.

– Вика, нажми синюю кнопку, – отрывисто приказал Брайт, удерживая руль и что-то высматривая перед собой.

Зачем он это сделал?! Мы же сейчас разобьёмся!

Конечности налились свинцовой тяжестью, их будто парализовало.

– Виктория! Кнопку! Скорее! – на этот раз Редж угрожающе рычал, перекрывая шум ветра.

«Последние секунды жизни...»

С трудом преодолевая одеревенелость в теле, я подняла руку и ткнула в единственную круглую синюю кнопку на торпеде. Адская работа.

Позади зашуршало, крыша начала складываться и соединилась с лобовым стеклом идеально за секунду до того, как мы ушли под воду. Резко толкнуло, но не более. Редж удивительно плавно смог затормозить перед гладью воды и погрузить чудо-флаер на дно. Явно какая-то усовершенствованная модель, так как в салон ни капельки не просочилось, а давление не накрыло уши.

«Мы выжили».

Несколько секунд назад я думала, что умру. Теперь за стеклом колыхалась мирная толща воды, фары освещали скучные серые водоросли на десяток метров впереди, а дальше свет рассеивался. В салоне резко похолодало. Редж перегнулся через разделяющий нас подлокотник, отстегнул ремень безопасности и принялся меня трогать.

«Тебе попался озабоченный извращенец», – констатировал внутренний голос.

Сердце бешено колотилось, а от пережитого потрясения отнялась речь. Я закрыла глаза, справедливо рассудив, что так будет проще. Существуют же адреналиновые маньяки, которые возбуждаются от чувства опасности и не могут кончить, пока в крови не будет нужной концентрации гормона стресса. Жаль, что я не обратила внимания на эту черту агента раньше, но если он хочет здесь и сейчас... В конце концов, я сама скрепила договор кивком. Вот и широкий спектр обязанностей настал. Честно говоря, не думала, что всё произойдёт так быстро.

Редж был совсем близко. В тесном пространстве лёгкие мгновенно наполнились ароматом свежей кожаной отделки флаера и собственным запахом мужчины – терпким бергамотом. Его дыхание скользнуло по щеке, крупные горячие ладони легли на шею, еле ощутимо скользнули по позвонкам, распустили волосы и мягко помассировали голову.

Я с трудом удержалась от стона, когда пальцы скользнули по ушным раковинам и потрогали мочки. Несмотря на то что только что буквально вся жизнь промелькнула перед глазами, прикосновения были до мурашек приятными. Это моя самая эрогенная зона, не считая запястий. Мужские ладони, однако, задерживаться на ушах не стали – сняли пиджак, легли на ключицы, чуть сжали грудь, скользнули по талии на бёдра. Одна из рук почти сразу же оказалась между ног, обожгла через ткань белья, но так же быстро оттуда исчезла и провела по голени аж до щиколотки.

Затем Редж отстранился и зашуршал одеждой.

«Раздевается, наверно», – отстранённо подумала про себя. Вот и вся прелюдия мегасекретного агента. Совру, конечно, если скажу, что не понравилось, как меня трогали, но одна минута – это мало даже по меркам Филиппа.

Я всё ещё сидела с закрытыми глазами и молчала...

Нет, страшно уже не было, но и открывать их не хотелось. Пускай всё произойдёт сейчас, и меня не будут мучить мысли, что повела себя не как высококлассный специалист по поведенческому анализу, а как обыкновенная ночная бабочка: продалась за контакт для РУТ.

Я изумлённо распахнула веки ровно в тот момент, как услышала скрип опускающегося стекла. Мы уже, оказывается, не плавали в реке, а стояли на обычной дороге. Как?! Ничего себе, я глубоко ушла в себя...

Неподалёку виднелся смешанный, по-осеннему разноцветный лес. Очевидно, мы были в пригороде или вообще в деревне. На территории мегаполисов все деревья тщательно подбирались ландшафтными дизайнерами, высаживались в кадки и горшки, а потом их крону ежеквартально стригли по форме. Здесь же пушистые сине-зелёные лапы ёлок укрывали огненные жёлто-красные клёны и уже осыпавшиеся берёзы.

Редж невозмутимо подрулил к огромному мусорному контейнеру, сложил кулём мой пиджак, заколку для волос и клатч и, не выходя из флаера, выкинул через окно.

– Что ты делаешь?! – От возмущения я даже забыла, что только что думала о сексе.

Шварх, действия этого мужчины совершенно выбивали из колеи!

– Там же мои ключи, карточки...

– Это я оставил. Лежат на заднем сиденье. Я выкинул всё, на что можно было поставить жучки. А ты что подумала?

И подмигнул. Зараза.

В этот момент я почувствовала, как щёки, шея и уши, которые только что нежно трогали, заливают жар.

Шв-а-а-рх, Вика, и кто из вас двоих ещё озабоченная извращенка?

До невысокого по меркам мегаполиса жилого дома мы докатили в полной тишине, безукоризненно соблюдая все правила дорожного движения и цвета на семафорах. Мне оставалось лишь поражаться преобразению заядлого гонщика в законопослушного водителя. Редж заехал на подземный паркинг и, словно это была самая обычная поездка в его жизни, заглушил двигатель.

Стоило хлопнуть дверцей флаера, как я с удивлением отметила, что вместо яркого лимонного цвета машина имеет солидный, представительный и до зубного скрежета обыденный чёрный. Как такое возможно? В труднодоступных местах ещё блестели капельки воды. Я машинально прикоснулась к металлу – холодный. И как-то сама собой в голове щёлкнула мысль о краске-хамелеоне. Студентки любили делать такие маникюры: на переменах хвастались в туалете, засовывая руки то в горячую в воду, то в холодную, их ногти при этом меняли цвет. Почему не сделать такое покрытие у машины? Парковку «Звездных завтраков» заливали тёплые лучи солнца, а температура реки осенью градусов восемь, не больше.

Если кто-то пытался уследить за нами, то его ожидал сюрприз...

«А номер?» – запоздало шевельнулся вопрос в голове. Камеры распознают именно номера, и если задача стояла отследить нас...

Голос замолк, так как я обошла флаер и с изумлением отметила, что налипшие водоросли превратили тройку в восьмёрку, а единицы совсем не видно...

Редж, никак не комментируя мой осмотр, щёлкнул брелоком и показал на единственный лифт на парковке:

– Нам туда.

ГЛАВА 9. Мистер-Самоуверенность- И-Непредсказуемость

Редж Брайт

Удивление в ответе, что собственного флаера у Виктории нет, стал ещё одним доводом к тому, что сцена с Филиппом не являлась театральной постановкой. Девчонка интуитивно стремилась быть «как все». Большинство таноржцев не работает, припеваючи живёт на дотации от Аппарата Управления планетой и, если нужно куда-то съездить, пользуется общественным транспортом. Виктория явно ездила на левитационных поездах из тех же соображений.

«Быстро и удобно».

Какое, на фиг, быстро и удобно, когда у тебя две работы в разных районах мегаполиса?! А одна из них – РУТ! Глупость несусветная. О работах и финансах мисс Палладиум Ким тоже доложил. Нормальные оклады, на которые вполне себе можно купить даже два флаера и не остаться в долгах.

Стоило взлететь с парковки ресторана, как обнаружился хвост, да такой тяжёлый, что даже прятки под днищем грузовика отсекали лишь часть преследователей. Пришлось применить стандартную схему с рекой, ну и раз подвернулась такая возможность – проверить реакцию блондиночки. Кнопку превращения кабрио в закрытый флаер она нажала не сразу, но нажала. И даже в истерику не впала. Похвально. Определённо – профподготовка имеется.

Ну, разумеется, я не мог не пощупать голубоглазую красотку на жучки – ненавижу, когда за мной следят.

К собственному стыду, привычная процедура обернулась тесными штанами. Когда я коснулся к ушкам Виктории, она внезапно так протяжно и сладко выдохнула, что еле оттормозил себя на желании впиться в приоткрывшиеся розовые губы. Сквозь ткань делового платья проступили твёрдые соски-горошины. Ошеломительно чувственная женщина! Не отказал себе в удовольствии ощупать блондинку чуть тщательнее, чем требовала ситуация: в конце концов, вшивают же устройства и под кожу...

Когда коснулся потрясающе мягкой кожи на внутренней поверхности бёдер, Виктория вздрогнула и часто задышала, а салон наполнился терпким ароматом женского возбуждения. В этот момент пришлось отвесить себе увесистую мысленную оплеуху:

«Стоп, Редж, веди себя профессионально! Эта девушка – ключик к Разведывательному Управлению Танорга и необходимой информации. Надо лишь немного выждать, чтобы они доверились и сами сделали первый ход».

И всё же ладони непроизвольно долго задержались на стройном теле Виктории, а в голову пришли мысли о том, какой всё-таки кретин её бывший. Как можно просрать такую девушку? Повторно тряхнул головой, выкидывая из неё лишнее, собрал предметы, куда могли установить прослушку, и избавился от них как можно скорее.

К счастью, Виктория поверила, что это было всего лишь стандартной проверкой.

«Никакого секса, Редж, с женщиной, с которой тебе ещё работать и работать! Думать надо головой, а не членом. Ко всему, остаётся вероятность, что она двойной агент пси-класса – работает и на Танорг, и на Пикс».

Виктория Палладиум

Квартира Реджа оказалась современной, красивой, но совершенно безликой – как номер в дорогом пятизвездочном отеле. Мраморные полы, выкрашенные в нейтральный синий стены, спальня с огромной кроватью, гостиная, по оформлению больше напоминающая кабинет,

застеклённая лоджия с подвесным ротанговым креслом и кухня. Нигде ни единой фотографии, сувенира или статуэтки. Полевые агенты в РУТ часто меняли место жительства, так что отсутствие таких вещей не удивило. А вот что показалось по-настоящему неожиданным, так это прямо в прихожей сунутые в руки ноутбук и анонимная кредитная карточка.

– Вот выход в инфосеть. Закажи себе всё что нужно, но оплачивай только с этой карты, – как само собой разумеющееся скомандовал Брайт в раздражающей манере «приказываю, но ничего не объясняю».

– Всё что нужно? – терпеливо переспросила.

– Одежда, бельё, косметика, шампуни, сумки, заколки... – Он крутанул кистью в воздухе. – И вечернее платье обязательно. Лучше два, одно с открытой спиной. Деловое... хм, тоже пускай будет. Можно строгую тёмную юбку-карандаш, но поищи из кожи, чтобы смотрелась при этом вызывающе. Три блузки минимум, обувь, не забудь кроссовки и спортивный комплект. Леггинсы, футболки... Духи, пожалуйста, не бери. Не люблю искусственные запахи.

Целую секунду я переваривала распоряжение, а затем почувствовала, как раздражение вновь превышает допустимую концентрацию в крови. Нормально он так моим гардеробом и жизнью распоряжается.

– А я здесь надолго?

Невозмутимый взгляд чёрных как ночь и очень наглых глаз был мне ответом.

– Настолько, насколько это будет необходимым.

Вот как хочешь, так и понимай. Шварх, меня это категорически не устраивает! Я почувствовала, как злость медленно закипает в жилах. В файлах, которые я изучала, агент везде предпочитал действовать в одиночку. На тот момент это меня поразило, так как полевики РУТ всегда перестраховываются. Теперь же я понимала, что ни один нормальный человек просто не вынесет кооперативной работы с этим типом.

«Глубокий вдох и выдох, Виктория...»

– Редж, объясни мне, пожалуйста, что происходит. Вначале ты меня забираешь из «Звёздных завтраков» так, будто за нами по меньшей мере облава всей Системной Полиции, потом выкидываешь личные вещи без спроса. Коммуникатор, кстати, был единственным средством связи с РУТ! Как я теперь им сообщу о том, что ты согласился на нас работать?

– Так ты уже доложила.

Я открыла рот и закрыла. Уел, класс.

– А дальше? Следующее задание?

– Они перешлют мне. Свяжутся по тому же каналу, как договаривались сегодня на обед.

– А я как буду работать с РУТ?

– Никак.

Я чуть было не потеряла дар речи от непрошибаемой наглости некоторых. Надо попробовать по-другому:

– У меня есть ещё одна работа. Я профессор психологии в университете, мне лекции читать надо! Отвези меня домой, пожалуйста.

– Читай удалённо. Ноутбук я тебе дал.

Редж плюхнулся на диван и лениво потянулся, словно большой чёрный ягуар, демонстративно показывая, как устал за день.

Пообедал в ресторане и погонял на флаере.

Бедненький!

– Если у тебя так много энергии, можешь мне массаж сделать. Что-то трапецию спазмировало, – протянул бесстыжий брюнет и приглашающе похлопал ладонью по кожаному сиденью рядом с собой. Как питомца позвал.

Я стояла с ноутбуком и кредиткой в руках и чувствовала себя если не ночной бабочкой, то кем-то «около» этой профессии. Со мной, первоклассным специалистом по поведенче-

скому анализу, общаются словно с неразумной куклой, ничего не объясняют, да ещё и бессовестно вымогают массаж! Вот тебе и помощница с широким спектром обязанностей! Понятия не имею как, но Реджу удавалось за считанные секунды из уравновешенной и доброжелательной Виктории сделать Викторию-фурию.

– А массаж других частей тела тебе сделать не надо?! – вырвалось у меня.

– Оу, заметь, ты сама это предложила, – расплылся в улыбке этот... Гад! – Может ещё и язычком умеешь?

– Не знаю, как насчёт языка, но зубами точно справлюсь.

Он всё ещё улыбался. Возмутительно ослепительно. И с морщинками-лучиками у уголков чуть раскосых глаз... Я поймала себя на непреодолимом желании физической расправы.

«Спокойствие и только спокойствие», – приказала себе мысленно, отложила компьютер и кредитку на тумбу, а с неё, наоборот, взяла стопку личных платёжных карт.

Глубокий вдох и выдох.

– Редж, я всё ещё не отказываюсь от своих слов и готова помогать тебе настолько, насколько это будет в моей компетенции, но жить с тобой в одной квартире не собираюсь. Во-первых, это неэтично, во-вторых, у меня есть собственная, и в ней, кстати, уже есть моя одежда.

– Неэтично жить в одной квартире с женщиной после того, как ты согласилась быть его помощницей с широким спектром обязанностей?

Мужчина выразительно поиграл бровями. Я на это купилась в первый раз, но во второй та же история не прокатит. Очевидно, что Редж подразумевал всё что угодно, но не интимные услуги. Ему нравится быть эпатажным или, по крайней мере, чтобы хотели его, а не он.

– Отвези меня домой, пожалуйста.

– Не-а.

Агр-р-р!

– Я понятия не имею, как мы будем работать, но ты невыносимый!

– «Неотразимый» по-другому произносится. Детка, поработай над произношением.

Брайт ловким эффективным движением расстегнул рубашку до самого пояса. В вертикальном разрезе показалась обнажённая загорелая кожа литых грудных мышц и безупречный пресс. Каждый кубик был настолько чётко очерчен, что по нему хотелось проследить пальцами, как по клавишам рояля. Волны стальных мускулов подчёркивались тонкой тёмной дорожкой волос, убегающей за массивную пряжку ремня. И странное дело – вроде бы я видела голограммы с Брайтом, где он был частично обнажён, но всё равно невольно уставилась. Филипп ходил в зал и был неплохо сложен, но это ни в какое сравнение не шло с фигурой Реджа.

– Нравлюсь? – ухмыльнувшись, спросил этот кошак.

Тьфу! Меня как ледяной водой окатило.

Какая тонкая, однако, манипуляция и переключение диалога! Очередная порция злости, но уже на собственный организм, который находил конкретного брюнета крайне привлекательным, придала сил.

– Ты всегда так себя ведёшь? Сбиваешь собеседника с мысли и дезориентируешь?

– Только когда это нужно.

– На меня твоя провокация не действует. Возвращаемся к насущной теме: я не смогу отсюда добраться до дома. Подкинь хотя бы до ближайшего пересадочного узла, а дальше я сама.

– Не могу, – повторил Редж. – Я устал. И вообще пьян. Тебе придётся остаться на ночь у меня.

– В смысле пьян?! – искренне возмутилась. – Ты же не пил!

Прямо на моих глазах этот невыносимый тип ухватил с журнального столика бутылку с коньяком за горлышко и демонстративно сделал глоток. Я как зачарованная смотрела на

движущийся вверх и вниз острый кадык. Одна капля упала на крепкую грудь агента и потекла ниже, прокладывая дорожку по бронзовой коже.

Я ошеломлённо смотрела на мужчину. Ещё немного – и нервный тик начнётся.

Коммуникатора нет, где нахожусь – точно не знаю, но судя по тому, что видела, точно не город, до ближайшего пересадочного узла ещё идти и идти... Собственная кредитка есть, но куда двигаться – понятия не имею. Просто так такси на Танорге не поймать – с тех пор как появились приложения, флаеры не останавливаются. Хотя... может, с ноутбука попробовать?

Редж, словно прочитав мои мысли, резко отставил бутылку и стал серьёзным:

– Виктория, а давай так: мы сыграем. Если выиграю я, то ты остаёшься. Если выиграешь ты, то... любое желание с меня.

Это прозвучало интригующе. Настолько, что я замерла. Я-то этого типа несколько дней изучала... Психологический портрет составить не получилось, но микромимику изучила тщательно, блеф, вероятнее всего, увижу. А любое желание с Мистера-Самоуверенность-И-Непредсказуемость – это сильно. В конце концов, можно и попросить помочь РУТ на стандартных условиях.

– Во что играем? Покер, бридж, блэкджек?

Мужчина прищурил чёрные, как космос, глаза и улыбнулся.

– Нет, я, конечно, люблю рискованные мероприятия, но не настолько. Как насчёт шахмат?

– Шахматы? – эхом повторила. Когда-то я в них играла, вот только это было очень давно... А с другой стороны: что я теряю? Не за игру же в настолку ему дали прозвище «Гроссмейстер». – А давай.

ГЛАВА 10. Шахматы

Редж Брайт

Вначале я провоцировал Викторию на эмоции по привычке: может, проколется где? Но в какой-то момент поймал себя на том, что просто кайфую с её реакции.

Люди под эмоциями и просто люди – это две совершенно разные истории. Можно годами общаться со спокойным уравновешенным человеком, а потом в неожиданной ситуации узнать, что он, к примеру, психопат. Или трус. Или до одури боится гусениц, а когда напьётся – избивает жену. А можно создать стрессовую ситуацию и сразу копнуть глубже. Проще всего вывести человека на злость или раздражение, чтобы понять, каков он на самом деле, по крайней мере определиться с вектором «ненормальности». Даже агенты, которые годами учатся вживаться в роль подставного лица и правильно реагировать на ситуации, всё равно часто лажают.

Виктория не лажала.

Да, она злилась. Потрясающе злилась! Вкусно! Крышесносно.

Внутри всё аж сводило сладкой судорогой удовольствия от метающих молнии взглядов холодных голубых глаз. Подрагивающие ноздри. Светлая кожа. Упрямо сжатые губы. Валькирия как есть! Того и гляди вот-вот мощные крылья распахнутся за спиной! Ким как-то назвал меня извращенцем, я даже спорить с этим утверждением не стал.

Виктория совершенно точно не являлась двойным агентом, но всё ещё пыталась влезть в шкуру «воспитанной секретарши». Привычка быть «как все таноржцы» была её собственной, глубоко въевшейся в подкорку. Даже сейчас, впервые оказавшись вне зоны видимости соглядатаев из РУТ, она почему-то стремилась забиться под старый купол слежки. Зачем? Уверен, на этот вопрос она никогда бы не дала прямого ответа. Здесь надо было копать... тонко и осторожно. Как сапёру, которому предоставили обезвредить целое минное поле.

Идея сыграть в шахматы пришла в голову неожиданно. В конце концов, не просто так мне когда-то дали прозвище «Гроссмейстер».

Виктория Палладиум

Я сидела на длинноворсовом ковре, облокотившись на стеклянную поверхность журнального столика, и размышляла над следующим ходом. Редж Брайт с комфортом утопал в низком кожаном кресле напротив. Он опёрся локтями на колени, оставив рубашку расстёгнутой, и с азартом приготовившегося к прыжку ягуара раздувал крылья носа и следил за партией.

С каждым ходом атмосфера в гостиной становилась всё более напряжённой. Редж наступал, не оставляя времени на раздумья. Его фигуры нападали на мои, создавая угрозу с разных флангов. Я только и успевала, что защищаться.

Ход слоном.

Моя рокировка.

Вывод чёрного ферзя на центр поля.

Белый король спрятался в заслоне из пешек.

Редж задумчиво кивнул, словно поступил бы на моём месте так же.

– Так из-за чего ты, говоришь, рассталась с Филиппом? – неожиданно спросил он, двигая ладью вперёд.

Я тоже двинула. Свою.

– Я не говорила.

Хорошая попытка, но рассеянных консультантов в разведке не держат.

– Ну так расскажи, – вкрадчиво-искушающим голосом предложил мужчина напротив и на этот раз подтолкнул пешку.

Я посмотрела на доску. Расклад не в мою сторону, но незаметно подтащить силы с левого фланга могу...

– Это личное.

– И? Ты не можешь мне рассказать или не хочешь?

Редж выгнул тёмную бровь и посмотрел так пристально, что я увидела мерцающие звёзды в глазах, обрамлённых длинными ресницами. Очнулась, когда поняла, что уже несколько секунд беспардонно пялюсь в породистое лицо мужчины. Тряхнула головой, снимая наваждение, и переставила белого коня.

– Не хочу.

Ферзя у его короля нет, мне ещё два хода, и будет шах.

Брайт шумно выдохнул, взял за корону самую сильную фигуру и...

– Тогда шах и мат, дорогая Виктория. Эту ночь ты проведёшь со мной.

Как мат?!

Я обескураженно посмотрела на доску и сглотнула... Действительно, моему королю некуда деваться.

– Если бы ты оставила королю больше воздуха, – Редж близко наклонился и обдал меня горячим дыханием, – то у тебя было бы место для отступления. А так его нет. – Он дотронулся до одной из пешек в заслоне и переставил ближе к центру. – Вот так. Понятно?

Я кивнула.

– Всё-таки не зря тебе дали псевдоним «Гроссмейстер», – вырвалось само собой.

– Поверь, я сам не играл в шахматы уже очень давно. Ты сильный противник.

Ну-ну. Я бросила скептический взгляд на оппонента.

– Ещё партию? – внезапно предложил Редж, прищурившись.

Я сглотнула. Только-только привыкла к мелькающему в полах расстёгнутой рубашки совершенному мужскому торсу, как поняла, что с трудом не поддаюсь на провокацию его глаз – неодимовых магнитов. Радужки настолько тёмные, что граница со зрачком почти незаметна. Вселенная, такую внешность вкупе с бархатным голосом и чёрными глазами надо запрещать законом! А ещё убойная доза обаяния...

Ну как можно чувствовать влечение к мужчине, который тебя чуть не угробил во флаере, отказывается нормально отвечать на вопросы и растоптал эго, обыграв в шахматы? Оказывается, можно.

Бесит.

И собственная реакция на него – тоже бесит.

– На желание? – спросила преувеличенно спокойно.

Редж отрицательно качнул головой.

– Слишком скучно. Предлагаю «правда или действие».

Детская забава? Он серьёзно?

– Только при условии, что ты не потребуешь раскрыть секреты разведки Танорга.

Мужчина пожал плечами.

– Всё, что необходимо, мне и так сообщат, я же теперь работаю на твоё начальство. А если тебе не понравится вопрос, ты всегда можешь заменить его на действие.

Пару секунд я размышляла. В принципе... Всё, что могло, уже случилось: я здесь, в его квартире, в роли помощницы с неясными обязанностями. РУТ, которое обычно приглядывает за своими сотрудниками, после сегодняшнего совершенно точно потеряло меня из виду. Да и надо дожидаться, когда они подготовят новое задание для Брайта и свяжутся с ним. Впереди целый вечер, Редж вряд ли отпустит меня погулять, а ещё одна партия в шахматы хуже не сделает. Словно вторя моим мыслям, за окном громыхнуло и полил дождь.

– А давай.

То ли я оказалась внимательнее, чем в первую партию, то ли везло больше, но Редж вовремя не прикрыл ферзя, и я умудрилась выиграть достаточно быстро. Мужчина одобрительно хмыкнул, глядя на королевскую вилку.

– Правда или действие?

– Пожалуй, выберу правду, – ответил Брайт, чем немало удивил. Ну ладно, правда так правда. Он сам ничего про задания не говорил, так что воспользуемся случаем.

– Планета Энхой. Как тебе удалось договориться с атаманом?

– Что? – Изумление мелькнуло на лице Реджа. Похоже, и он ожидал другого вопроса.

– Шахта с ракетным топливом, – напомнила. – Расскажешь? Или это строго засекречено?

Мужчина распустил тугой узел, в который были связаны его волосы, и взлохматил их одной рукой. Густая тёмная грива легла небрежной волной на плечи, делая его ещё более похожим на чёрного ягуара.

– Да ничего особенного. У энхойцев менталитет примитивный, кто сильнее – тот и прав. В интонациях голоса это особенно чувствуется. До меня с ними Миры Федерации деликатно пытались договориться, а они это принимали за слабость и потому наотрез отказывались идти на сделку.

Я потрясённо уставилась на Брайта.

– Как? И всё?!

– Уверен, если бы туда хоть кому-то пришло в голову прислать психолога, а не военных дипломатов, он бы тоже до всего дошёл своим умом.

Я лишь восхищённо покачала головой.

– А как ты выучил язык? За три-то дня. Искусственный интеллект и половины вашего диалога разобрать не смог.

Я не стеснялась говорить о том, что знала. В конце концов, очевидно же, что перед тем как вербовать агента, РУТ изучало его прошлое – столько, сколько нашло о нём информации.

Редж внезапно расхохотался.

– Это как раз проще простого. Половина звуков в их языке ничего не значит. Главное, рычать и лаять устрашающе. Ещё партию?

Я молча потянулась к фигурам.

На этот раз выиграл Редж.

– Правда ли действие? – спросил он, окидывая меня таким плотоядным взглядом, что ответ сам слетел с губ:

– Правда.

– Почему ты рассталась с Филиппом? Неужели в сексе не сошлись?

Прямолинейно. Думал смутить? Ну что ж... Я, кажется, уже начала привыкать к его манере речи и выкрутасам, потому что вопрос неожиданно не вызвал раздражения.

– А ты хотел бы, чтобы я с ним осталась?

Судя «по помощнице с широким кругом обязанностей», он должен был быть доволен ситуацией. Неужели мужская солидарность проснулась не к месту?

– Будет твоя очередь задавать вопросы – спросишь. Сейчас – моя, – осадил Мистер-Самоуверенность-И-Непредсказуемость.

Я вздохнула, думая, как объяснить то, что произошло между мной и бывшим. Поймёт ли? Со стороны ведь будет казаться, что я зажралась. С другой стороны, если не поймёт Редж, то вряд ли меня поймёт вообще кто-либо...

– Нет, секс был неплох...

– Неплох? – Тёмные брови взмыли на лоб. – То есть отвратителен?

– Неплох!

– Когда женщина говорит, что «секс неплох», значит, он отвратителен.

Я закатила глаза.

– Хорошо! Секс был хорош. Доволен? – И, дождавшись еле уловимого кивка, продолжила: – Но он предложил выйти замуж, а я не хотела. Сразу предупредила, что согласна на встречи, но не на отношения, и уже тем более не на замужество. Он пытался манипулировать, чтобы добиться своего. Я резко разорвала то, что между нами было. Конец истории.

Редж задумчиво потёр короткую щетину на подбородке.

– Но ты же с ним встречалась два года. Почему не хотела замуж?

Я покачала указательным пальцем и указала на шахматную доску:

– Одна партия – один вопрос.

Он потянулся к фигурам. За окном стемнело, гроыхать стало реже, ливень превратился в умеренный дождь, капли уютно зашуршали по оконным отливам. Во время партии Редж удивил: он встал и зажёл свечи – самые настоящие! Не электронные! – и сделал это настолько машинально, будто привык вечерами создавать романтическую атмосферу. Занятно.

Моя победа.

– Правда или действие?

– Действие, – уверенно заявил Редж и поиграл бровями.

Не знаю, чего он ожидал, но я попросила его застегнуть рубашку.

– Обычно женщины, наоборот, просят меня снять одежду, – заметил мужчина, однако кнопки послушно застегнул.

– Отвлекает, – честно призналась я. – Мы же не сексом занимаемся, а играем в шахматы.

Брайт хмыкнул, а полчаса спустя, когда его слон объявил мне мат, потребовал снять платье. В отместку, наверное.

Редж Брайт

Какой чёрной дыры я попросил Викторию снять платье?! Видимо, единственный глоток крепкого алкоголя конкретно разжижил содержимое черепной коробки.

Женщина стянула ткань, не сомневаясь ни секунды. Оп – и нет платья. И белья тоже нет... Шикарная пышная грудь и острые соски-камушки смотрят прямо на меня. На светлой коже они смотрятся тёмными, как черешня. Люблю черешню.

В паху стало болезненно жарко и тяжело, а по взгляду Виктории я понял, что она меня переиграла. Моими же методами! Озарение пришло внезапно. Меня попросила застегнуться, сама – разделась, и вот теперь мозги стекли ниже пояса, а грозная валькирия очаровательно нахмурила носик и вывела ладью на центр поля.

– Ты специально говоришь и даёшь команды с сексуализированным подтекстом, – сказала она спокойно, – рассчитывая, что я буду смущена, возбуждена или фрустрирована. Это типичный приём мужчины-манипулятора, чтобы перехватить контроль. Вот только приём работает в обе стороны.

Да уж... И похоже, что в исполнении женщины он работает опаснее.

«Редж, соберись!»

Увы, собирался я слишком долго и проморгал атаку слоном.

– Правда или действие?

– Правда, – хмуро бросил.

Не хватало ещё, чтобы она попросила подняться и я во всей красе продемонстрировал, о чём сейчас думаю. Так себе из меня агент получается. Под предлогом того, что её кожа покрылась мурашками, протянул плед. Виктория усмехнулась, но накинула его, никак не комментируя.

– Спасение школьников от космических пиратов. Расскажи подробно, что тогда случилось. Почему Космофлот так долго слал спасательные корабли? Почему тебе пришлось замедлять двигатель шаттла?

Не по комете, а в центр галактики!

Ну, Ким, ну умеешь ты подставу устроить!.. Я, конечно, понимаю, что ты отбирал информацию попроще для «случайного слива», но мне что прикажешь теперь отвечать? Блондиночка всё-таки талант. Специалист, швархи её задери, по поведенческому анализу. Сама того не осознавая, на подсознательном уровне ловит самые тонкие места... Ох, теперь ещё и выкрутиться как-то надо, не дав понять, что я не имею ничего общего с Космофлотом.

– Это было... случайностью. Я приобрёл билет на шаттл в последний момент и не ожидал никакого нападения. Хотел тихо-мирно добраться до нужной точки, и нападение пиратов застало врасплох. Снял футболку, ремень, вывернул куртку наизнанку, испачкал волосы и сделал всё, чтобы на меня обратили минимум внимания. Примерил на себя роль невменяемого. Учителей и сопровождающих взрослых заперли в отдельной каюте, а мне удалось пробраться к двигателю звездолета и частично испортить его.

– А почему сразу не связался с Космофлотом?

Да потому что, чтобы привлечь внимание к ситуации, но не выдать себя с потрохами, Киму пришлось быстро лепить фальшивые документы. Понятное дело, что по прилёте Космофлот перепроверил бы всех на борту. Моя личность была нормальной для покупки билетов у транспортной космокомпании, но никак не для тщательного досмотра. Не имею я никакого отношения к военным...

– Я был в отпуске, канал связи сам попросил закрыть. Не люблю, когда за мной следят. А дозваниваться через общую линию Космофлота оказалось весьма хлопотно и долго. Так получилось.

– Ясно.

Вопрос Виктории основательно встряхнул, и следующую партию уже выиграл я. За окном опустилась тёмная ночь, а экран коммуникатора давно горел входящим сообщением от Кима, когда я спросил:

– Почему ты не хотела замуж за Филиппа?

– А зачем? Чтобы мной манипулировали?

– Что за бред! Замуж выходят по любви, за того, кто нравится. С кем совпадают жизненные взгляды и общие ценности. С кем женщина чувствует себя в безопасности, с кем хорошо и комфортно, в конце концов.

Она пожала плечами.

– Все манипулируют всеми – явно или не очень. Я просто не хочу становиться марионеткой в чьих-либо руках.

– А как же чувства? Привязанность? Любовь?

– Скорее всего, один из пары лучше, чем другой, владеет техниками привлекательности: мастерски отзеркаливает жесты, находит точки соприкосновения, удерживает зрительный и тактильный контакт ровно столько, сколько нужно. Любовь – это миф. Это всего лишь дофамин, серотонин и окситоцин, которые будут появляться у жертвы, если понять её психотип и подобрать правильный ключик.

Я, конечно, знал, что все таноржцы – немного роботы, но представить себе не мог, что до такой степени.

– Редж, ну что же ты? – Виктория неожиданно улыбнулась. – Да, ты не специалист по поведенческому анализу, но всё, что я перечислила, ты делаешь сам, когда тебе что-то нужно.

– Нет!

Она усмехнулась.

– Допустим, мы познакомились в другой обстановке и ты хотел бы произвести на меня впечатление. На какое кино ты меня бы пригласил? Комедию, любовную мелодраму или боевик?

– Боевик, разумеется, – ответил, не задумавшись. Вести грозную голубоглазую валькирию на сопливую мелодраму? Увольте...

– Вот видишь. Комедии и женские фильмы хороши, чтобы произвести яркое первое впечатление, но в долгосрочной перспективе боевик или ужастик будут лучше, потому что они создадут прочную эмоциональную базу и совместные переживания. Общий опыт. Редж, ты отличный интуит, и манипулирование другими у тебя в крови.

Я прикрыл глаза. Не туда наш диалог свернул, ой не туда...

– А секс, – тем временем продолжила Виктория, – это всего лишь секс. Чистая механика. Он ничего не значит.

Виктория Палладиум

– А секс – это всего лишь секс. Чистая механика. Он ничего не значит.

«Хотя бы потому, что я не займусь им с тем, кто мне по-настоящему нравится и к кому я могу привязаться. Я никогда не позволю собой управлять», – добавила мысленно.

– Поздно уже, – внезапно сказал Редж, прерывая ход моих размышлений.

Я посмотрела в темноту за окном. И правда... время с этим мужчиной пролетело незаметно. Давно со мной такого не происходило.

– Давай я что-нибудь соображу на кухне, а ты иди пока в душ. Дверь в спальне, – внезапно хлопая себя по бёдрам, предложил собеседник и энергично поднялся с кресла.

Я кивнула. После длинного дня помыться действительно хотелось, а вот есть, кстати, не очень. С гораздо большим удовольствием я сейчас завалилась бы спать.

Редж Брайт

Виктория уснула, так и не дойдя до кухни, где её ждала разогретая мясная лазанья.

Я смотрел на рассыпавшиеся влажные перламутровые волосы на подушке, на светлые миниатюрные щиколотки, торчавшие из-под полы тяжелого махрового халата, чётко выступающие лопатки и глубокую вертикальную морщинку, залегшую между светлых бровей. Она о чём-то думала и хмурилась даже во сне. Халат облегал почти всю фигуру, но взгляду открывались икры – рельефные и сильные, как у балерины, но очень стройные. Невольно вспомнились и руки Виктории, которыми мне сегодня довелось вдоволь налюбоваться, – тоже сильные, но при этом тонкие. Ни дать ни взять – дева-воительница. Только меча не хватает и крылатого льва, как в сказаниях.

После душа смылись дурацкие духи из масс-маркета, и спальня наполнилась свежим запахом озона – так пахла эта потрясающая женщина. Валькирия – у неё даже аромат как у неба после грозы!

Усмехнулся и покачал головой собственным мыслям.

Как я мог принять её за серую мышку в «Звездных завтраках»? И как же давно меня не обыгрывали в шахматы! Как давно меня не охватывал азарт в присутствии женщины...

Красивая. Внимательная. Всё схватывающая на лету и виртуозно преобразующая собственное оружие против тебя. И холодная настолько, что хочется отогреть. Показать, что здоровые отношения – это не грязное манипулирование в угоду себе.

«А секс – это всего лишь секс. Чистая механика. Он ничего не значит», – так и стояли её слова в ушах.

Нестабильная сингулярность!

Это как подарить мальчику на день рождения конструктор, а затем с уверенностью сказать, что он никогда не построит из него башню высотой в свой рост. Что сделает мальчик? Правильно, прогуляет школу, футбол и встречи с друзьями, костями ляжет, но соберёт чертову башню!

Ну как такую женщину не попытаться приручить?

Виктория во сне беззащитно поёжилась и пробормотала что-то неразборчивое о том, как ненавидит службы ЖКХ, экономящие на отоплении, а я с режью под рёбрами осознал, что не смогу остаться на диване в гостиной. Стянул рубашку и штаны под мысленные ругательства Кима, лёг рядом и за пояс халата притянул ледышку. Мать моя ларчанка! Как же убийственно вкусно от неё пахнет... Мучительная эрекция с утра обеспечена, но с такой, как Виктория, нельзя торопить события.

ГЛАВА 11. Первое задание

Виктория Палладиум

Меня разбудили солнечные лучи. Просыпаться не хотелось, потому что этой ночью мне снилось что-то приятное и тёплое. Я сладко потянулась, открыла глаза и поняла, что проспала всё на свете. Будильник-то не звонил! Прошла пара секунд, прежде чем я вспомнила, что коммуникатор разбился благодаря одному наглому типу, я осталась ночевать у Реджа и меня не ждут ни в университете, ни в офисе РУТ. Соседняя часть кровати была разворошена – похоже, мужчина спал здесь же, – но простыни давно остыли.

«Ушёл, не сказал куда, зачем и на сколько. Всё в духе Реджа Брайта», – едко прокомментировал внутренний голос.

Часы в гостиной показывали два пополудни, и я повторно распаниковалась, глядя на цифры.

«Ну а что ты хотела? Почти пять суток не выспалась, вот и отдача», – тут же заступился за организм всё тот же голос.

Взгляд неожиданно наткнулся на бежевый свёрток и записку на том самом журнальном столике, где мы вчера играли в шахматы. Последнюю я сразу развернула.

«Милая Виктория,

Ты так сладко сопела в подушку и пускала на неё слюни, что мне не захотелось тебя будить. Так как я понятия не имею, когда ты проснёшься, а мысль купить себе одежду почему-то вызвала у тебя панический ужас, я взял эту архитяжелейшую и ответственную миссию на себя. Будь готова к семи.

Мужчина с безупречным вкусом»

– Вот же клоун! – фыркнула, отчего-то улыбаясь.

В свёртке оказалось потрясающее вечернее платье на тонких лямках и с вырезом на спине. В меру элегантное, в меру выходное, белое, с дымчато-голубым сиянием, без вульгарных принтов. Ткань мерцала, напоминая звёздный свет – холодный и недоступный. Нижнее бельё – красивое, подходящее к платью и – слава Вселенной! – без откровенных провокаций. С Реджа бы случилось... Туфли-лодочки на шпильках, серьги с крупными топазами, чулки, мини-атюрный клатч и коммуникатор в виде изящного браслета.

Последний я тут же включила и обнаружила в списке контактов лишь один номер под лаконичным псевдонимом «Гроссмейстер». М-да, судя по платью, вечером намечается что-то грандиозное.

Чтобы не искушать судьбу в лице одного наглого типа, я всё-таки села за ноутбук и заказала полный гардероб себе сама. К вечеру могут не успеть доставить, но на ближайшие дни будет в чём ходить. По привычке зашла на кухню, хотела сделать себе кофе и заказать что-то вроде йогурта, но обнаружила на плите лазанью, яичницу и творожную грушевую запеканку. Рядом лежала ещё одна записка.

«Ешь. Не отравлено».

Повторный фырк вырвался сам собой. Наверное, я извращенка, но записка показалась милой.

– То есть если бы отравил, то так бы и написал? – пробормотала под нос и подхватила лазанью, чтобы поставить в холодильник.

Но в холодильнике ждала ещё одна записка!

«Я серьёзно. Съешь столько, сколько влезет. Считай, что это завтрак, обед и ужин. Вечером нас могут попытаться отравить. Домашняя еда безопаснее.

Непревзойдённый мастер кулинарных шедевров»

– М-да... с самооценкой, Редж Брайт, я смотрю, у вас всё в порядке... – произнесла со вздохом и достала десертную вилку.

Начала с запеканки. Она оказалась настолько вкусной, что захотелось ещё... Заела её яичницей, а лазанью отложила на вечер, чтобы плотно поесть перед выходом.

Время ещё оставалось, а потому я без зазрения совести экспроприировала футболку и шорты хозяина квартиры, взяла ноутбук, утонула в низком кресле и провела удалённую лекцию по психологии. Темой урока выбрала трафаретную технику. Соскучившиеся студенты были счастливы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.